

ВОСКРЕСШИЙ ЗАРНИЗОН

Богдан СУШИНСКИЙ

секретный фаворит

Секретный фарватер (Вече)

Богдан Сушинский
Воскресший гарнизон

«ВЕЧЕ»

2015

Сушинский Б. И.

Воскресший гарнизон / Б. И. Сушинский — «ВЕЧЕ»,
2015 — (Секретный фарватер (Вече))

Новый военно-приключенческий роман известного писателя Богдана Сушинского посвящен событиям, связанным с одной из тайн Третьего рейха – созданием подземной базы войск СС «Регенвурмлагерь» («Лагерь дождевого червя»), которая до сих пор остается нерассекреченной. По оценкам военных специалистов, это укрепление было невозможно взять штурмом, тем не менее гитлеровцы сдали лагерь без боя. Существует также легенда о том, что на территории базы проводились секретные эксперименты по созданию подразделений воинов-зомби. Автор предлагает свою версию загадочных событий... Тематически этот роман связан с романом «Восточный вал».

© Сушинский Б. И., 2015

© ВЕЧЕ, 2015

Содержание

Часть первая	6
1	6
2	9
3	15
4	19
5	22
6	25
7	30
8	32
9	38
10	41
11	46
12	49
13	53
14	56
15	59
16	62
17	66
18	69
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Богдан Сушинский

Воскресший гарнизон

© Сушинский Б.И., 2015

© ООО «Издательство «Вече», 2015

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2015

Сайт издательства www.veche.ru

* * *

Часть первая

Прихоть истинного диктатора всегда должна быть до высочайшей изощренности мудрой и до высочайшей мудрости изощренной.

Автор

1

В «Регенвурмлагере»¹ фюрер должен был появиться в полдень. Известие об этом для коменданта фон Риттера оказалось полной неожиданностью.

Связавшись с ним, адъютант Гиммлера штандартенфюрер Брандт каким-то совершенно несвойственным ему извиняющимся тоном сообщил, что о своем намерении посетить «СС-Франконию» Гитлер объявил только сегодня утром, при этом строго-настрого предупредил: никаких официальных встреч и особых почестей. Строжайшая, исключительная секретность.

– Понимаю, исходя из ситуации на фронтах и в самом Берлине, – пробубнил барон.

Его совершенно не интересовала мотивация секретности этой поездки фюрера. Иное дело, что возникал вопрос: а какого дьявола он вообще прибывает сюда, прекрасно понимая при этом, что максимум через месяц все входы в «Лагерь дождевого червя» будут блокированы частями русских?! Причем блокированы основательно.

– О появлении фюрера в «СС-Франконии» должен знать крайне узкий круг лиц, – наседал на бригаденфюрера Брандт, явственно ужесточая тон. – Если уж нельзя сделать так, чтобы о нем вообще никто не узнал.

– Осведомлен будет крайне узкий круг лиц, – убедил его фон Риттер. – Тем более что пленные и зомби – не в счет.

– В счет, в счет, – решительно не согласился с ним адъютант рейхсфюрера СС. – После допущенного всеми нами 20 июля покушения на вождя нации – все в счет! Все, решительно все!

Ухмыльнувшись, фон Риттер сокрушенно покачал головой. Сколько можно напоминать об этом идиотском, почти театральном покушении, о котором фюрер, возможно, сам давно мечтал: слишком уж он заиндевел вдали от фронтов.

– Все мы сейчас под прицелами снайперов судьбы, штандартенфюрер, – вновь хриловато пробубнил комендант, вспомнив при этом слова Геббельса, переданные ему одним из приближенных обер-пропагандиста рейха. Так вот, явно одобряя слепопокушенческую чистку генералитета, доктор Геббельс произнес: «Наконец-то! Понадобилась бомба у Гитлера под задницей, чтобы он уловил суть всего того заговора, который непростительно давно полыхал у стен рейхсканцелярии!»².

– Кстати, личная охрана фюрера будет состоять только из одного телохранителя, – не унимался тем временем адъютант рейхсфюрера СС. – Что тоже продиктовано соображениями

¹ Напомню, что «Regenwurlager» («Лагерь дождевого червя», он же – «СС-Франкония») – особый базовый лагерь войск СС, по существу, огромный подземный город, со своими казармами, оружейными и продовольственными складами, электропоездами, электростанцией... Создавался в междуречье Одера, Обры и Варты в 1927–1944 годах. До сих пор не рассекречен и не изучен. По имеющимся сведениям, одна из его штолен пролегла под Одером и доходила до Берлина, точнее, до одной из веток берлинского метро. Сейчас основная площадь его расположена в пределах Польши.

² Здесь слегка перефразировано высказывание главного пропагандиста рейха доктора Геббельса, который к описываемому времени удостоен был еще и должности имперского уполномоченного по ведению тотальной войны.

безопасности. В Берлине должны считать, что фюрер находится в своей ставке «Вольфшанце», а в ставке должны считать, что он работает в своем кабинете в рейхсканцелярии.

Все эти меры предосторожности были понятны коменданту «СС-Франконии» и вполне объяснимы, поэтому никаких особых рассуждений и предположений у него в этой связи не возникало.

Конечно, немного удивляло, что фюрер прибывает без обычной для таких поездок свиты, состоящей из Кейтеля, Геринга, Гиммлера, Бормана, а также целой роты адъютантов, офицеров связи и личной охраны. Почему-то в былые времена на безопасности фюрера или секретности его поездок это не сказывалось. Тогда в чем дело? Или, может быть, своих собственных генералов и приближенных фюрер боится уже больше, чем русских диверсантов?

– Я понимаю, что справляться о целях визита фюрера неудобно. И тем не менее, что может интересовать его в первую очередь?

– Степень готовности «СС-Франконии» к приему полнокровного боевого гарнизона.

– Даже так?! – встревоженно произнес бригаденфюрер. – Никогда раньше о приеме «полнокровного гарнизона» речи не заходило.

– Никогда раньше... – напоминающее подтвердил Брандт. – Ибо никогда раньше русские танки не достигали польской Вислы.

– Что тоже верно.

Прием «полнокровного гарнизона» мог означать только одно: никакой надежды на то, что русских удастся остановить хотя бы в пятидесяти километрах от «Регенвурмлагеря», уже нет. Даже в романтически воспаленном прошлыми победами мозгу Гитлера – уже нет!

– Ну и, конечно же, фюрера заинтересует ваша главная достопримечательность – легендарная «Лаборатория призраков», а также подготовка лагеря к партизанским методам войны в тылу врага³. Признаться, на лабораторию я и сам охотно взглянул бы, но...

– Уже и к партизанским действиям в тылу? – озадаченно молвил комендант, упуская из виду экскурсионные страсти Брандта. Как справедливо ворчит по этому поводу начальник лаборатории унтерштурмфюрер Крайз, «желающих поглазеть на лабораторию зомби много, а когда начинаешь отбирать кандидатов в зомби, оказывается, что выбирать-то не из кого: не страна, а скотомогильник».

Коменданта так и подмывало спросить, как скоро может наступить тот прискорбный день, когда из германского тыла «Регенвурмлагерь» сможет «перебазироваться» в тыл русских, однако вовремя остановился. Хотя, как однажды изрек другой лагерный уникум, барон фон Штубер: «Крах только потому так быстро приближается, что в рейхе о нем все говорят шепотом».

– Что вы там ворчите, дружище? – все не унимался Брандт, словно бы пытался вывести фон Риттера из равновесия. – Считаете, что названное мною – не повод для визита фюрера?

– Благодарю, господин Брандт, довольно обстоятельно. Кстати, когда дело дойдет до «Лаборатории призраков»... Не будет ли шокировать фюрера явление ему Фризского Чудовища, то бишь Фридриха Крайза? – спросил фон Риттер, имея в виду, что намерен встречать Гитлера вместе с ним. – Напомню, что речь идет о начальнике «Лаборатории призраков»...

– Я знаю, о ком идет речь, комендант, прекрасно осведомлен...

– Так вот, учитывая, что лицо этого Чудовища столь чудовищно изуродовано, я мог бы и не являть его фюреру, но...

³ Напомню, что у фюрера возникла навязчивая идея: после завоевания всей Европы создать отдельное «государство СС» – Франконию (по образцу древнегерманского государства Франконии времен Карла Великого из династии Каролингов), которая включала бы в себя части территорий Германии, Люксембурга, Франции, Швейцарии и других государств. Вся власть в этой стране должна была принадлежать исключительно СС.

– Вы будете неверно поняты, если унтерштурмфюрера Фридриха Крайза не окажется в числе встречающих, – неожиданно последовал четкий, недвусмысленный совет Брандта. – Тем более что фюрер лично знаком с ним и не однажды пользовался его советами.

– Фюрер?! – все же не удержался фон Риттер. – Советами Фризского Чудовища?! – И только потому, что адъютант Гимmlера счел ниже своего достоинства хоть как-то объяснять действия фюрера, которые обычно мало поддавались каким-либо объяснениям, комендант сразу же сменил тон. – Извините, штандартенфюрер, но тогда, возможно, цель визита фюрера как раз и заключается в том, чтобы встретиться с господином Крайзом?..

– У фюрера не бывает «целей визита», барон. Сам его визит – куда, когда и кому бы он ни наносился, – является целью, способной оправдать любые средства и условности. Тем более, когда его сопровождает Скорцени, – еще назидательнее изрек Брандт.

– Так его будет сопровождать оберштурмбанфюрер Скорцени?! – приятно удивился фон Риттер. – Он недавно побывал у нас, знаком с условиями жизни гарнизона и строителей. Но коль так... Можете считать, что все предыдущие вопросы мною заданы не были. Когда рядом Скорцени, надобность в какой-либо дополнительной охране отпадает.

– Именно так я и истолковал ваше любопытство, – объявил адъютант рейхсфюрера СС и тотчас же повесил трубку.

2

Подстегиваемые воинским кличем «Барра!»⁴, зомби-воины оставили свои бронетранспортеры и, мгновенно рассредоточившись по характерному для этой местности каменистому перелеску, устремились навстречу танковому десанту «врага».

Танки были русскими, из трофейных запасов, имевшихся на ближайшем танковом полигоне СС, и водителями их тоже были русские танкисты из недавно сформированного в районе «Восточного вала» батальона власовцев. Десантники, которые сидели на их броне, вскоре должны были пополнить парашютно-десантное подразделение, считавшееся гордостью генерал-полковника Власова⁵ и составлявшее личный резерв командующего Русской Освободительной армии. Большинство из них только что прошло подготовку в разведывательно-диверсионной школе РОА, поэтому «бои» с зомби-воинами «СС-Франконии» в какой-то степени становились их выпускными экзаменами.

Высунувшись из люка штабной бронемшины, штандартенфюрер Овербек, затаив дыхание, следил за тем, как с непостижимой быстротой зомби взбирались на деревья, чтобы, маскируясь в листве, между ветками, поражать оттуда танки позаимствованными у русских бутылками с зажигательной смесью; как они бросались на землю и, змеями проползая между камнями, устремлялись навстречу бронированному чудовищу, пытаясь забрасывать их противотанковыми гранатами; какими изощренными приемами восточных единоборств выводили из строя набрасывавшихся на них десантников.

Это был особый взвод зомби, созданный исключительно из тибетцев, набранных и переправленных в «Регенвурмлагерь» с помощью таинственного ламы, известного в имперских кругах как «берлинский лама» или под псевдонимом «Человек в зеленых перчатках»⁶. Причем выяснилось, что до появления здесь, все тридцать бойцов-тибетцев были горцами, прошли подготовку в специальной диверсионной школе, где их готовили к выживанию в самых сложных, в том числе и в суровых арктических условиях, а также к рукопашному бою.

– Как они вам в бою, барон фон Штубер?! – поинтересовался Овербек, не отрываясь от разворачивавшегося на ближайшей равнине зрелища.

– Пока что... никак.

Брови штандартенфюрера медленно, долго тянулись вверх, пока где-то там, у самой кромки волос, не сомкнулись со складками лба.

– Что значит: «Никак», барон? Особенно если речь идет о зомби-тибетцах? И с такой оценкой вы хотите предстать перед ясными очами Скорцени, а возможно, и самого Гимmlера? – Все решительнее ввергал себя в изумление Овербек.

Это был человек с библейски удлиненным, богообразным личиком смиренного пастора и пронизывающим взглядом зеленоватых глаз факира. Коротко стриженные и всегда старательно, назад, приглаженные волосики на его голове произрастали настолько редко, что к каждому из них Штуберу хотелось привязать персональную бирочку с номером, как к величайшей ценности, достойной Лувра.

⁴ Этот боевой воинский клич был позаимствован у римских легионеров.

⁵ До сих пор во всех русских источниках Власова называют генерал-лейтенантом, хотя это неверно. Генерал-лейтенанта ему присвоил Сталин за успешные действия по обороне Москвы. Однако Гитлер удостоил его чина генерал-полковника вермахта. В этом чине он командовал Русской Освободительной армией (РОА) и, исходя из этого же чина, получал жалование из германской казны.

⁶ Исторический факт. Таинственный «берлинский лама», которого в высших кругах рейха знали еще под кличкой «Человек в зеленых перчатках», действительно существовал. По имеющимся сведениям, этот лама обладал даром предсказателя и ясновидца. Фюрер несколько раз тайно встречался с ним, кроме того, поддерживал контакт через посредников и, по утверждению германских источников, не раз пользовался его предсказаниями. Именно этого ламу Гитлер, по слухам, использовал в качестве посредника при контактах с некими таинственными «высшими посвященными», обитавшими в Шамбале.

– Самое страшное, что с этой оценкой я предстаю перед самим собой, – вызывающе заметил Штубер.

– Непростительная привередливость, штурмбанфюрер. Неужели не видно, что эти парни демонстрируют все, чему их обучали.

– Только-то и всего, – иронично подергал щекой барон. – Хотелось бы знать, однако, чему же их все-таки обучали. Если бы вам хотя бы месяц пришлось сражаться с теми, красными, русскими, которые громят нас на фронтах и в партизанских лесах, вы бы поняли, что этого слишком мало.

– И все же бой они ведут по всем правилам военной науки, – явно решил не давать в обиду своих питомцев командующий зомби-войсками «СС-Франконии» и ее комендант.

– Хотите знать, почему русские вот-вот прижмут нас к Одеру, господин штандартенфюрер? Нет, вы действительно хотите знать, почему? Так вот, я вам скажу: только потому, что плевать они хотели на все наши прусские каноны войны. Это в боях с англичанами мы можем демонстрировать нашу прусскую армейскую педантичность, поскольку у еще более педантичных «томми» она способна вызывать хоть какое-то уважение. А в глазах русских «ванюш» она всего лишь становится предметом насмешек.

– Мне понятна эта ваша прелюдия, барон. Поверьте, я сразу же сумел оценить ваше стремление проводить учебу спецотряда зомби-тибетцев в боевых стычках с русскими. Причем почти без нашего с вами, «осмеянных русскими германцев», участия. И вообще, это прекрасно, что вам удалось перебросить сюда почти целую роту власовцев.

– Вы мне льстите, штандартенфюрер, – мрачновато ухмыльнулся Штубер. – Причем совершенно незаслуженно.

– Признаться, поначалу мне хотелось вывести сюда курсантов унтер-офицерской разведывательной школы дивизии СС «Мертвая голова»⁷. Пусть бы немного поразмялись.

– Но потом вспомнили, что воевать-то зомби-тибетцам придется все же с русскими. Хотя, кто знает? Вдруг они решат, для начала, расправиться с вашими «мертвоголовыми» курсантами?

Овербек наконец-то оставил стальное чрево бронемашины и вместе со Штубером взошел на огромный, поросший мхом валун, представавший неким «саженцем» горы, постепенно произрастающей из недр кремнистой возвышенности. Они казались сошедшими вместе полководцами враждующих армий, которые, заключив перемирие, теперь невозмутимо наблюдают за тем, как там, в долине, гибнут последние их полки. Действия своих солдат они оценивали как болельщики – действия футбольных команд.

– А чего вы еще ждете от этих тибетцев, барон? – спросил Овербек, не опуская бинокль, но вместе с тем краем глаза наблюдая за реакцией Штубера. – Чем разочарованы? По-моему, «Лама в зеленых перчатках» предоставил нам не такой уж плохой человеческий материал.

Сейчас у штандартенфюрера не было никакого желания убеждать в чем-либо заместителя начальника «Регенвурмлагеря». Но еще меньше ему как экс-коменданту хотелось, чтобы о боевой выучке зомби-воинов барон докладывал Скорцени с такой же кислой миной, с какой наблюдает сейчас за яростным учебным боем.

Да, пока что учебным. Но ведь по-настоящему яростным. Несмотря на то, что у противников нет ни боевых патронов, ни штыков или хотя бы ножей.

– Тем и разочарован, что перед нами пока еще не бой, а всего лишь кадетские учебные игры на полянке, – иронично процедил штурмбанфюрер, поеживаясь в своем легком прорезиненном плаще. Его машина стояла на холме, рядом с броневином «низверженного» в свое

⁷ По имеющимся данным, к концу 1944 – началу 1945 годов основу гарнизона «Регенвурмлагеря» составляли два пехотных полка и унтер-офицерская школа дивизии СС «Мертвая голова», а также вспомогательные части.

время коменданта «СС-Франконии» Овербека, проходившего теперь по всем официальным документам лишь под псевдонимом «Центурион».

– Считаете, что замена холостых патронов боевыми, а бутылки с водой на гремучие «коктейли Молотова» произвела бы на них какое-то особое впечатление? – пожал широкими, обвиняющими плечами Овербек.

Это несоответствие иконописного личика экс-коменданта его крепкой, широкоплечей фигуре ставило в тупик любого ценителя мощи мужского тела. Даже «великий психолог войны» барон фон Штубер, и тот не раз представлял перед вопросом: чему доверяться при оценке этого человека: его «богоугодному» личику или фигуре уличного громилы?

– А вы прикажите заменить, и сразу же убедитесь. Боевые патроны ждут их в кузове машины.

– Но такого приказа не было.

– С каких пор вы стали приказопослушным, Центурион? Столь унижительно... приказопослушным?

– Сразу же, как только ощутил дыхание крематория. У его печи – и приказы, и сама жизнь воспринимается, знаете ли, как-то по-иному.

– «Дыхание крематория»... – согласно кивнул фон Штубер. – Прекрасно сформулировано. Я бы даже сказал, изысканно. – Аргумент и в самом деле показался ему убедительным. – Дыхание крематория – как дыхание смерти перед очередной бессмысленной атакой! Такие аргументы судьбы оспаривать всегда трудно.

– Разве вам не известно, что командование слишком ценит даже обычного зомби-воина, чтобы пускать его в расход прямо на полигонах?

– Да наштампует мы вам этих зомби, Центурион! Не пройдет и двух месяцев, как вы поведете в бой целый легион зомби, смерть которых станет вашим собственным бессмертием.

– Вы невнимательны, барон, – в голосе штандартенфюрера появилась какая-то вежливая жесткость. – Я сказал: «даже обычного зомби-воина».

– Хотите сказать, что тибетцы составляют некое исключение из общего числа зомби?

Взгляд, коим пронизал барона разжалованный комендант «Регенвурмлагеря», расширялся очень просто: «Ты действительно не знаком с приказом, который относится к тибетцам, или же, пользуясь моим сложным положением, попросту издеваешься?!».

А ведь ситуация, в которой оказался штандартенфюрер, в самом деле была сложной. На одном из совещаний, сгоряча, фюрер как-то обронил, что Овербека следует отстранить от командования лагерем. Когда же Гиммлер, прекрасно помнивший о том, что еще недавно штандартенфюрер Овербек числился в «любимчиках фюрера», поинтересовался, куда его направить, Гитлер вдруг словесно отмахнулся от него: «Сами решите: хоть на передовую, хоть сразу в крематорий. И я не желаю больше слышать о нем».

– Со мной вы можете быть откровенны, штурмбанфюрер.

– Нет предмета для откровений. Кому в этой преисподней не известно, что тибетцев мы готовим по особой программе и для какой-то особой, пока что неведомой мне миссии?

...Гиммлер был убежден, что теперь уже бывшего коменданта «Регенвурмлагеря» штандартенфюрера Овербека попросту оклеветали, однако разубеждать Гитлера не решился. Ослушаться тоже.

Выход из ситуации ему подсказал Скорцени, который никогда не был сторонником бессмысленного наказания офицеров, особенно – отправкой в концлагеря, а тем более – в крематорий. Он считал, что человек, ощутивший свою обреченность, прекрасный «материал» для диверсионной службы, поэтому всегда готов был подобрать одного из таких, полунаказанных...

Обер-диверсант рейха присутствовал на этом совещании, и это упрощало Гиммлеру задачу. Поинтересовавшись на следующий день у Скорцени, есть ли на Овербека какой-либо серьезный компромат, рейхсфюрер СС меньше всего рассчитывал выудить у него какие-то све-

дения. Иное дело, что он готовил почву для того, чтобы переложить на него всю ответственность за судьбу опального штандартенфюрера. Подставлять и перекладывать – это вообще было в стиле Гиммлера. особенно сейчас, когда фюрер стал относиться к нему, как к рейхсфюреру СС, с явным недоверием.

«Гитлер вдруг решил для себя, что двум рейхсфюрерам в одном бункере будет тесновато», – прокомментировал однажды эту ситуацию Геринг, который еще раньше впал в немилость Гитлера. Теперь командующий Военно-воздушными силами Германии считал подарком судьбы, что по чину он – «рейхсмаршал», а не рейхсфюрер. Что, однако, не влияло на отношения к нему фюрера, считавшего, что войну рейх проигрывает исключительно из-за бездарности командования люфтваффе, не сумевшего выиграть ни одной воздушной битвы, а посему давно утратившего господство в небе. В этом мнении он укрепился еще во времена неудавшейся «Битвы за Англию», которая велась в основном в воздухе.

Поскольку разговор происходил в присутствии Штубера, барон тоже считал себя причастным к устройству судьбы Овербека.

– Компромат у нас есть на всех, в том числе и на меня, – благодушно заверил рейхсфюрера СС Отто Скорцени. – Тем не менее причислить Овербека к числу предателей – чистейшее безумие.

– Вот и займитесь его судьбой, Отто. Кажется, вы как раз назначаете своего лучшего соратника фон Штубера заместителем начальника лагеря по безопасности? – вопросительно уставился на него рейхсфюрер СС.

– На какое-то время. Долго задерживать Штубера вдали от фронта не выпадает, он всегда должен быть по рукой.

– Тогда в чем дело? Вместе со Штубером и решайте, как с ним поступать.

– Считаю, что отправлять его на фронт нельзя. Если его захватят в плен, все тайны «Регенвурмлагеря» окажутся в сейфах наших врагов.

– Фронт исключается – это было ясно с самого начала, – признал его правоту Гиммлер.

– И еще... Фюрер прямо заявил, что не желает больше слышать об Овербеке.

– Фюрер действительно высказался в этом духе, – неохотно согласился Гиммлер.

– Даже не «в духе», а почти дословно. Обратите внимание: фюрер не приказал казнить его, а всего лишь повелел сделать так, чтобы он никогда больше не слышал об этом штандартенфюрере.

– Стоит ли так волноваться о судьбе этого штандартенфюрера, Отто? И потом, если мы с вами не примем решения убрать Овербека, никто иной на это не решится. Даже Мюллер, поэтому успокойтесь.

– Я о другом, – не дал сбить себя с толку обер-диверсант рейха. – О редком проявлении слишком редкого в наше тяжелое время великодушия.

Гиммлер твердо знал, что фюрера спокойно можно назвать последним из германцев, кого следовало бы заподозрить хоть в каком-то проявлении великодушия, поэтому, услышав столь лестный отзыв из уст Скорцени, недоверчиво взглянул на него: уж не ерничает ли этот офицер СД?

– Его раздражение можно истолковать и таким образом, – согласился рейхсфюрер СС, немного поколебавшись.

Как и Скорцени, он понимал, что в деле с Овербеком следует иметь какое-то убедительное объяснение того, почему не выполнено решение фюрера. На тот случай, если Гитлер все же пожелает еще раз услышать имя бывшего коменданта «Регенвурмлагеря» и даже поинтересуется, как тот был наказан.

– И больше не услышит о нем. Поскольку чина его фюрер не лишил, мы назначим штандартенфюрера Овербека командующим зомби-войсками «Регенвурмлагеря».

– Командующим?! – поморщился рейхсфюрер СС.

– ...Не гарнизоном, – поспешно уточнил Отто, – командование которым остается прерогативой коменданта, а всего лишь зомби-войсками.

– Понимаю, Скорцени, понимаю.

– Кто-то станет воспринимать это с иронией, кто-то всерьез. Однако так или иначе нам предстоит создать новый род войск – зомби-воинов.

– Почему бы сразу же не включить подразделения полуумерщвленных зомби-воинов в состав дивизии СС «Мертвая голова»? – осмелился нарушить субординацию фон Штубер. – Название как будто придумано специально для зомби. К тому же...

Штубер хотел добавить еще что-то, однако командующий войсками СС и обер-диверсант рейха взглянули на него с таким любопытством, что барон благоразумно решил прикусить язык.

– А что, – вернулся к своей недовысказанной мысли Скорцени, – все логично: зомби-войска еще только зарождаются, а командующий уже назначен. Причем действовать он будет под какой-то кличкой, выбор которой, естественно, поручим барону фон Штуберу. Как оказалось, он у нас спец по названиям войск и агентурным псевдо их командующих.

– Так вы, Штубер, считаете, что название дивизии «Мертвая голова» – словно бы специально придумало для частей зомби-войск?

– Если учесть, что речь идет о полуумерщвленных или, наоборот, полуживленных русских пленниках.

– Ассоциации у вас однако, Штубер, – поморщился Скорцени, совершенно не предполагая, что Гиммлер неожиданно изрежет свое традиционное: «А что, в этом что-то есть».

* * *

...Впрочем, все это в прошлом, а сейчас, здесь, на полигоне «Регенвурмлагеря», Овербек недоверчиво спросил:

– Чего вы от меня добиваетесь, Штубер?

– Пытаюсь понять, что скрывается за тем, что вы не договариваете. – Штубер так и не выяснил, знает ли Овербек, что спасителем его оказался Скорцени. Но предполагал, что тот догадывается.

– У вас что, есть право на приказ погубить здесь этот зомби-отряд?

– Нет, конечно. Кто ж его отдаст, такой приказ? И все же... Эксперимент со смертью над воскрешенными после смерти. Согласитесь, над этим стоит подумать.

Штандартенфюрер понимал, что Штубер явно провоцирует его. Но понимал и то, что «величайший психолог войны» прибегает к этому не из желания подставить его, а из стремления действительно, причем как можно скорее, произвести этот самый «эксперимент со смертью над воскрешенными...».

– Это обычных окопников реальная опасность могла бы отрезвить, но только не зомби-воинов. Они сражаются, как истинные храбрецы.

– Во всяком случае, в этом нас уверяют чернокнижники из «Лаборатории призраков». Однако в настоящем бою мы их пока что не видели.

– Зомбирование придумали не в подземельях «Регенвурмлагеря». Прежде чем превратить в зомби, этих парней травили зомби-ядом, которому по силе убийства нет равных в мире⁸. Так что теперь уже смерти для них попросту не существует.

⁸ По степени воздействия на организм человека «зомби-яд», по мнению специалистов, в 500 раз превышает цианистый калий. Поэтому до сих пор остается загадкой, каким образом дагомейским жрецам «вуду» (завезшим секрет зомбирования из африканской страны Дагомеи, считающейся родиной зомби, на латиноамериканский остров Гаити) удается затем оживлять свои жертвы, умерщвленные таким мощным ядом.

– ...Поскольку через смерть они уже прошли, – продолжил его мысль штурмбанфюрер СС. – Вы это имели в виду, Центурион? Как должен воспринимать жизнь человек, прошедший через смерть? Разве не в познании этой загадки кроется смысл всей философии жизни?.. Или смерти? – тотчас же усомнился бывший командир антипартизанского диверсионного отряда «Рыцари Черного леса». – Вопрос-то почти гамлетовский. Не ощущаете? Стоит поразмыслить.

3

Отшельник до сих пор не мог понять, каким образом он учуял в этом худощавом жилистом «зомби ноль восемь» прирожденного резчика. Правда, первым на него все же обратил внимание гауптштурмфюрер Штубер, который выдернул этого парня из вереницы ему подобных в одном из забоев, где тот носил камни от работавших отбойными молотками проходчиков до вагонеток. Однако произошло это случайно. Впрочем, кто знает? С той поры, как бывший семинарист оказался в подземельях «Регенвурмлагеря», его постоянно сопровождали какие-то случайности, очень смахивавшие на мистику.

А что касается самого резчика-камнетеса, то однажды Отшельник решил отыскать фон Штубера, чтобы попросить у него кого-то из пленных в помощники. Обязанности этого подмастерья представлялись несложными: он должен был делать начальную обработку камня, отсекая то лишнее, что нельзя использовать для сотворения очередного «распятия».

Подойдя к одной из ближайших караулок, Орест стал свидетелем своеобразного допроса, учиненного там Штубером «Зомби – 08» в присутствии Крайза. Барон всячески пытался разговаривать гиганта-зомби, стараясь выяснить, кто он по армейскому чину, откуда родом и чем занимался до войны, однако зомби – из русских пленных – лишь упорно, с налетом идиотской тупости на лице твердил: «Я – зомби ноль восемь», буквально выводя этим Штубера из себя.

Трудно сказать, чем бы этот допрос закончился, если бы старого диверсанта вдруг не осенило: а ведь из этого упряма, которого в «Лаборатории призраков» готовили по «программе зомби-шахтеров», мог бы получиться неплохой зомби-диверсант.

Возможно, ошибка в том и заключается, решил он для себя, что для той или иной программы – «зомби-шахтеры», «зомби-ремонтники», «зомби-спасатели», «зомби-воины», «зомби-палачи» или «зомби, обслуживающие морги и крематории»... – мы поставляем целые партии новоявленных зомби. В то время как для отдельных программ, в частности, для подготовки «зомби-воинов» и «зомби-диверсантов», нужно вести особый физический и морально-психологический отбор, причем не только среди «первичного людского материала», но и среди самих зомби.

При этом бывший командир антипартизанского отряда «Рыцарей Черного леса» даже расхохотался, представив себе, до какого сумасшествия можно довести даже самого терпеливого из следователей НКВД, подсунув ему в образе арестанта такого вот зомбированного агента, только теперь уже подготовленного по «зомби-диверсионной программе», да к тому же с прирожденно приглушенным восприятием боли!

Когда барон насладился своим собственным допросом, Орест Гордаш, известный в СС-Франконии исключительно под кличкой Отшельник, попросил выделить ему еще одного камнетеса.

– Но у вас уже трудится двое каменных дел мастеров, – удивленно напомнил ему Штубер.

– Никакие они не мастера. Обычные ломовики, которым лучше было бы работать в карьере.

– А вам, величайший из мастеров, – скептически ухмыльнулся Штубер, – кто нужен?

– Настоящий камнетес, с задатками скульптора.

– Может, вам все-таки стоит вспомнить, что мы находимся в подземном лагере СС, да к тому же где-то в глубинах Восточной Померании, а не в окрестностях Монмартра, этого пристанища гениев резца и кисти?

– ...Который мог бы тщательно готовить каменные плиты к окончательной шлифовке под образ, – спокойно завершил свою мысль Отшельник, не обращая внимания на язвительный тон барона фон Штубера. Хотя и соглашался, что и без его подмастерий дел у заместителя коменданта и начальника охраны «Регенвурмлагеря» хватает. – Он принимался бы за дело

уже после того, как эти ломовики основательно подготовят каменный монолит к скульптурной обработке.

– Понимаю, нужен настоящий подмастерье, ученик. Хотите сказать, что вам известен пленный или зомби с такими задатками?

– Пока не известен.

– Вот и мне, господин «обер-распинатель рейха», – тоже, – резко заметил барон. – Разве что... – добавил, было, он, однако осекся на полуслове.

Как и Отшельник, Штубер вдруг обратил внимание на то, с каким интересом «Зомби-08», доселе стоявший с абсолютно отсутствующим видом, вдруг начал всматриваться в линии большого деревянного распятия, висевшего на груди «обер-распинателя». Нет, это не был благоговейный взгляд верующего, хотя религиозный сегмент памяти зомби жрецы из «Лаборатории призраков» благоразумно пытались сохранить. Не просматривалось во взоре бывшего красноармейца и ничего такого, что выдавало бы в нем классовое невосприятие Христа, которое со школьных лет насаждалось в его сознании.

Судя по всему, «Зомби-08» интересовало сейчас не, кто там «принимает» сейчас муки на кресте, а как эти муки воспроизведены мастером в дереве.

Лишь уловив это порыв, Орест буквально сорвал крест с шеи и подал его зомби. В течение нескольких секунд тот благоговейно перекладывал вырезанное самим Отшельником распятие из руки в руку, словно обжигался о него, и впервые за все время общения со Штубером и Орестом, глаза его по-настоящему оживились, освещаясь при этом какой-то внутренней осмысленностью.

– Так, именно так все и должно выглядеть, – взволнованно проговорил зомби, трепетно проводя пальцами по линиям тернового венка и тела Христового. При этом Орест обратил внимание, что глаза его закрыты, а голова запрокинута; в эти мгновения он доверял только одному восприятию – своих пальцев, их чувственности, их профессиональной памяти.

– И все же на религиозного фанатика он не похож, – вполголоса, тоном врача, высказывающегося по поводу сомнительного диагноза своего пациента, произнес Штубер.

– На религиозного – нет. Это уж точно. Потому что на самом деле перед нами фанатик резца, – ответил Отшельник. И, пристально проследив за нервным движением пальцев «Зомби-08», спросил его: – Тебе уже приходилось вырезать такие «распятия»?

– ...Вырезать, – откликнулся тот, слегка приоткрыв глаза.

– Твой отец и дед были резчиками по дереву?

– Отец, дед... Вырезали из липы.

Отшельник и Штубер переглянулись.

«Вот это он и есть – перст Божий! – прочитывалось во взгляде Ореста. – Сам Господь послал мне этого человека».

«Ну, кому именно и ради чего он послал этого человечка – нам еще предстоит выяснить», – мысленно возразил ему барон.

– Он даже запомнил, что вырезали из липы! – обратил Отшельник внимание барона. – Самая мягкая, податливая древесина, вырезать из которой любо-дорого. Потомственный резчик, выходит. Родовое ремесло. Родственная душа, – выплескивал Гордаш все то волнение, которое накапливалось в эти минуты в очерстевшей и наполовину обездушенной душе зомби.

– Те двое резчиков, которые уже работают с вами, на зомби вроде бы не похожи, – молвил штурмбанфюрер.

– Верно, те – из обычных пленных. Да только не резчики они, не скульпторы, а самые обычные камнетесы. Хотя и достаточно умелые.

– Уж не собираетесь ли вы создавать здесь артель камнетесов и скульпторов, Отшельник?

– Если этот зомби окажется настоящим резчиком, не попрошу больше ни одного пленного, – заверил Орест. – Кстати, как зовут этого человека?

– Все зомби проходят у нас под номерами, – напомнил ему Штубер.

– Не могу я к мастерам своим обращаться «по номерам». Тем более – к мастерам, которым выпало создавать целую галерею регенвурмлагерных «Распятый». Кстати, они так и могут остаться в анналах искусствоведения под определением «Регенвурмлагерное распятие номер один, два и так далее...».

– Ну, относительно того, что они были «лагерными», – покряхтел Штубер, – еще следует подумать. Времена-то будут другими. А вот что касается имени скульптора, то чего уж проще? Коль уж речь зашла о библейских реалиях, зовите его просто... Понтием Пилатом⁹, что прекрасно будет восприниматься не только в библейском контексте, но и в русле идеологии нашего с вами национал-социализма, – снисходительно ухмыльнулся барон. – Согласитесь, бывший семинарист, что так бичевать и с таким сладострастием распинать иудеев, как это позволял себе Понтий Пилат, никто больше не решался. Так что стоит ли по этому поводу создавать себе проблемы?

– Не знаю, согласится ли с этим история Иудеи.

Со столь же снисходительной улыбкой Штубер вместе со своим адъютантом Родлем провел «распинателей» к выработке, в которой они должны были создавать первое «Распятие». Как и во время предыдущего визита сюда барона¹⁰, камнетесы встречали своего мастера со слегка склоненными непокрытыми головами, а слушали его с каким-то особым благоговением, как слушают лишь очень почитаемого пастыря. Вырубленная ими из большого каменного монолита заготовка теперь уже более четко очерчивала контуры будущего креста и даже контуры некоего подобия тела страдальца, чем они просматривались во время предыдущего появления здесь штурмбанфюрера СС Штубера.

С минуту, при свете двух мощных прожекторов, барон придирчиво осматривал это «недоношенное» творение рук человеческих, не произнеся ни слова. Затем так же придирчиво осмотрел камнетесов. Он помнил, как во время прошлой инспекции этой выработки один из подмастерий, худошавый и радикулитно согбенный, в произношении которого четко улавливался белорусский акцент, недовольно проворчал:

«И зачем им, нехристям, понадобился этот крест?!»

«Ну, распятие ведь», – пожал плечами его напарник, тоже не подозревая, что эсэсовец прекрасно владеет русским. Что же касается распятия, то он считал, что разгадка его появления здесь кроется в смысле и предназначении самой скульптуры.

Штубер помнил, что звали этого достаточно рослого и даже в скелетной худобе своей все еще довольно мощного мужика «отцом Никодимом». В прошлом он был священником, за что коммунисты засадили его в один из «лесопопальных» концлагерей, затем оказался в роте штрафников и уже оттуда раненым попал в плен.

Барон сам рекомендовал его Отшельнику после того, как один из внедренных в отряд пленных агент СД открыл для себя, что Никодим почти не ощущает боли. Причем дело было не в христианской многотерпимости его, а именно в том, что к болям человеческим священник этот по каким-то причинам действительно оставался глух.

«Как же они собираются отмаливать грехи свои перед муками Господними, – упорствовал в своем неверии белорус, – когда сами же эти муки возрождают в камне, через убийство и мучения?».

«Так ведь «распятый» эти они ставят вовсе не для того, чтобы, глядя на них, молиться, – был более близок к истине его собрат по топору. – Таким способом эсэсовцы нас попросту

⁹ Понтий Пилат – римский правитель, префект Иудеи (26–36 гг. до н. э.), чье правление было отмечено массовыми казнями иудеев и при котором Иисус был предан бичеванию и распят, то есть подвергнут казни, предназначенной в основном для воров и разбойников, двое из которых и были казнены вместе с ним.

¹⁰ Этот визит описан мною в романе «Восточный вал», тематически предшествующем роману «Воскресший гарнизон».

запугивают. Кресты Иисусовы для них – что-то вроде сатанинской метки. Чтобы на каждого замученного в этом подземелье – по «распятию».

Уже за одни эти слова Никодима следовало бы отправить в крематорий, однако Штубер все еще ценил его, как экспонат своей психологической коллекции «людей войны».

– Не слишком ли медленно трудятся ваши «голгофские плотники», Отшельник? – придиричиво осмотрел тогда барон творение его подмастерий.

– Не слишком... Если учесть, что над телом того, реально распятого Иисуса, трудился сам Господь.

– Опять лукаво мудствуешь, – проворчал Штубер. – Дай-ка этому неофиту кусок какой-нибудь древесины, пусть попробует вырезать нечто подобное твоему нательному распятию. Посмотрим, что у него получится. Принимать работу буду лично, через двое суток.

– Двое – слишком мало, господин штурмбанфюрер.

– Для все еще полуживого пленного, каковым являешься и ты, Отшельник, – да, мало-вато. Но не для полуумерщвленного зомби.

Лишь недавно часть этой же выработки была отгорожена каменным перестенком и обшита бревнами. Этот закуток и стал их, каменных дел мастеров, барак, в котором могло поместиться шестеро пленных. Но уже в самом бараке был отгорожен еще один уголок, в котором стояли стол и полка с инструментами. Отведя туда Пилата, мастер вручил ему кусок специально припасенной для себя липовой древесины и два разных размеров резца. Затем снял с себя нательный крест, поцеловал, перекрестил и положил на стол перед новым резчиком в виде образца.

– Трудись так, – повелел, – словно тебя самого будут распинать на этом же «распятии». Чтобы не пришлось умирать на своем собственном изделии не от рук палача, а от стыда.

4

Фон Риттер извлек из кармана брюк необъятных размеров носовой платок и, как всегда, когда ему требовалась пауза для раздумий, долго, почти с ритуальной медлительностью, стал протирать свою шлемоподобную лысину.

Дело не в подготовленности «Регенвурмлагеря» к ведению партизанских действий или в способности его принять полноценный боевой гарнизон, понял комендант. Все намного сложнее, и как бы... изысканнее.

Из документов, доставшийся ему в наследство от Овербека, а также из рассказов самого штандартенфюрера, комендант знал, что впервые в «Регенвурмлагерь» фюрер наведлся в 37-м году, почти через три года после того, как здесь были возобновлены активные работы по строительству «СС-Франконии»¹¹. Именно тогда, по приказу Гитлера, из казны были выделены огромные средства, а также утвержден новый план строительства самого этого подземного города СС, с двадцатью двумя подземными станциями узкоколейки, мощной гидроэлектростанцией, складами, госпиталем и системой его наземной обороны.

Понятно, что теперь, как и во время второго своего приезда, фюрер тоже поинтересуется тем, как идет усовершенствование лагеря. Но времена уже не те. Поэтому фон Риттеру казалось, что на самом деле фюрер прибывает сюда не для инспекционной поездки. Просто ему опять хочется побывать в Черном Каньоне, чтобы остаться там наедине с Фризским Чудовищем. Причем и каньон и чудовище нужны были ему в роли своеобразных аккумуляторов, для какой-то внутренней энергетической подпитки.

Нет, комендант не зря задал адъютанту Гимmlера вопрос о Фридрихе Крайзе. Это была еще одна попытка подступиться к тайне, к которой сам фюрер подпускать его не желал.

Конечно, раньше фон Риттеру никогда не пришло бы в голову увязывать появление здесь фюрера с дьявольскими таинствами Черного Каньона. Да и стремление Гитлера оставаться наедине с Фризским Чудовищем тоже воспринял бы как своеобразное чудачество. Но он хорошо помнил подробности разговора с Крайзом после того, как поступил приказ Кальтенбруннера о присвоении ему первого офицерского чина СС и назначении начальником секретной «Лаборатории призраков»¹².

Очевидно, Крайз потому и предался объяснениям по поводу некоторых тайн своих отношений с фюрером, что комендант открыл ему глаза на роль в его судьбе Отто Скорцени.

– Прежде всего, вы, Крайз, должны знать, – сказал он, как только адъютант, приведший фриза в кабинет коменданта, закрыл за собой стальную дверь, – что на самом это приказ не столько Кальтенбруннера, сколько Отто Скорцени.

Реакция была неожиданно холодной.

– Я это знаю, – с великосветской небрежностью заявил Крайз.

– От кого? – опешил фон Риттер. – Приказ является совершенно секретным.

– Молитвами всех святых, господин барон. – Это «молитвами всех святых» давно стало ходовым выражением Фризского Чудовища, которое он, казалось, употреблял по поводу и без повода. Впрочем, это в самом деле только казалось.

– Вы не поняли меня, унтерштурмфюрер.

– Понял, – все с той же безмятежностью возразил Крайз.

¹¹ Строительство «Лагеря дождевого червя» было начато еще в 1927 году, то есть задолго до прихода Гитлера к власти. К 33-му году была сдана первая очередь лагеря и работы были приостановлены, но через год возобновлены. После приезда фюрера на строительство лагеря было выделено порядка 900 млн. рейхсмарок, сумма по тем временам более чем внушительная.

¹² Здесь интерпретируется разговор, очень важный для понимания фюрером сути «Регенвурмлагеря» и его роли в жизни экстрасенса (говоря современным языком) Фризского Чудовища, происходивший немного раньше.

– Я спрашиваю: от кого вам стало известно о причастности первого диверсанта рейха к вашему продвижению по службе?

– Скорцени интересовался мною еще в бытность комендантом этого лагеря штандартен-фюрера Овербека. Но уже тогда я догадывался, что интерес ко мне у обер-диверсанта возник значительно раньше.

– Опять эти ваши предвидения? – поморщился фон Риттер.

Когда Фризскому Чудовищу не нравился какой-то вопрос, он обычно давал понять это каким-то особым, «жестяным» рыком прочищая свою луженую гортань. Так вот, в этот раз он прочищал её особенно долго и угрожающе громко, словно предупреждал: «Не вторгайся туда, куда вторгаться кому бы то ни было запрещено самим сатаной!».

– Молитвами всех святых, господин барон. Иногда я знаю то, что мне позволяют знать Высшие Силы. Даже если знать этого решительно не желаю.

– И все же... Когда именно Скорцени заинтересовался вами, унтерштурмфюрер? – попытался сдержать свои эмоции комендант.

Он терпеть не мог каких бы то ни было неясностей в отношениях с подчиненными и бесился от осознания того, что существует некая тайна, в которую его то ли вообще не желают посвящать, то ли обещают посвятить чуть позже. И если он все еще стремился сдерживать свои эмоции и обращался к Фризскому Чудовищу с предельной вежливостью, то лишь потому, что речь все же шла об обер-диверсантах рейха.

Иное дело, что всю эту затею с возведением Крайза в чин лейтенанта войск СС бригаден-фюрер считал такой же безумной, как и стремление своего предшественника на посту коменданта, ныне опального штандартенфюрера Овербека «облагородить и освятить» все участки «Регенвурмлагеря» каменными изваяниями распятий Христа.

– Скорцени интересовался мною еще тогда, когда стало известно, что моей личностью впервые заинтересовался фюрер.

Тогда, во время разговора, фон Риттер тоже достал из кармана брюк свой необъятных размеров платок и так же долго, все с той же ритуальной медлительностью, протирал свою лысину, как и сейчас. Причем в лагере все знали, что появление пота на азиатской черепнине коменданта служило своеобразным признаком удивления чем-либо или же очередного душевного расстройства. И платком своим фон Риттер пользовался то как белым флагом парламента, то как красной тканью тореадора. В зависимости от ситуации.

– Разве случалось и такое? – не поверил фризу барон. – Чтобы сам фюрер?..

– Молитвами всех святых, барон!

Фон Риттер помнил, что все попытки штандартенфюрера Овербека приучить Фризское Чудовище обращаться к кому бы то ни было с надлежащим чинопочтением, оказывались безуспешными. Основательно одичавший за годы своих скитаний по двум архипелагам Фризских островов, Крайз вел себя теперь, как ему заблагорассудится. Вот почему бригаденфюрер решил не повторять ошибок своего предшественника и не портить себе нервы.

– Его интерес к вам был вызван интересом к Высшим Силам, или, как он их еще называет, «высшими посвященными»? Я спрашиваю: фюрера заинтересовала ваша связь с этими силами?

– Наоборот, связь Высших Сил – со мной, – нагло уточнил Фризское Чудовище.

Озадаченный этим ответом, фон Риттер вновь старательно промокнул платком свой черепной шлем, а затем, забывшись, еще долго возил влажным платком по краешку огромного письменного стола.

Он знал, что в своих скупых рассказах и откровениях Крайз обычно не врет, не преувеличивает и не пытается хоть как-то исказить реальные факты и события. Для сознания Фризского Чудовища ложь представлялась настолько противоестественной, что он оказывался

неспособным предаваться подобной страсти даже когда это было крайне необходимо. Для его же блага.

5

...И вот сегодня Отшельник впервые взглянул на работу Понтия Пилата, известного по лагерным документам под кодовым номером «Зомби-08», а также под именем бывшего сержанта Петра Гронова.

Сразу же бросилось в глаза, что большую часть «распятия» занимает... лицо Иисуса. До ног дело вообще не дошло, туловище первосвященника обрывалось где-то на уровне живота, но зато над лицом зомби поработал с какой-то особой тщательностью: оттачивая каждую его черту, воспроизводя душевное томление и физические муки; превращая лик Господний в воплощение вселенской жертвенности.

При этом было абсолютно очевидно, что человек, сотворивший этот образ, обладает каким-то искаженным мировосприятием. Гордаш вспомнил рассказ преподавателя семинарии, который в свое время начинал свой собственный «путь к Богу» в скромной должности психиатра.

Так вот, однажды этот психиатр-преподаватель поведал о талантливом выпускнике художественного училища, который уже в палате «психиатрички» умудрялся рисовать вполне реалистические, причем не без искры божьей, полотна. Единственной особенностью его творчества оставалось то, что создавал он свои картины как бы «вверх ногами». И всякий раз, когда, рассматривая их, психиатр пытался придать им естественное положение, художник возмущался, вырывал картину из рук, возвращал в прежнее положение, а доктора называл «безбожным психом», что, конечно, отчасти было верно.

Отшельник не сомневался, что любое замечание по поводу эстетики своего произведения «зомби ноль восемь» воспримет в том же духе, что и психически больной художник из одесской психиатрички. Только поэтому никаких замечаний так и не последовало. Гордаш понимал, что если этот зомби-шедевр и подлежит какому-либо критическому анализу, то не в этой компании и не с участием самого зомби-творца. Задумывался мастер и над тем, кто станет оценивать его собственные работы и будут ли они когда-либо оценены. Правда, в последнее время бывший семинарист все больше склонялся к мысли, что не нуждается ни в каких оценках и признаниях, поскольку высшим является его собственный суд – суд Мастера, суд Творца, и тем не менее...

Когда спустя несколько минут Орест показал произведение сержанта Гронова гауптштурмфюреру Штуберу, тот удивленно осмотрел его и пожал плечами.

– Я поведал о нашем замысле главному «зомбисту» лагеря доктору Клоду Мартье, – вертел он скульптурку между пальцами. – Как это ни странно, доктор уверяет, что столь тонкие навыки, как те, что проявляются талантом скульптора, у зомби сохраняться не могут.

– Тогда, что Мартье скажет, увидев созданное им «распятие»?

– Вот это мы сейчас и узнаем.

Вместе с зомби они сели в машину гауптштурмфюрера и через несколько минут уже были в «Лаборатории призраков». Пока доктор был занят приготовлением по каким-то старинным рецептам вуду колдовского зелья, врач-эсэсовец Устке, ведавший зомби-моргом, устроил Штуберу и Отшельнику экскурсию по своим владениям, отказав при этом в праве заходить в морг «Зомби-08».

Согласно требованию доктора Мартье, ни один оживленный зомби не должен был вновь оказываться в морг-отсеке. Устке не знал, чем это требование мотивировалось; скорее всего, гаитянин стремился придать ему некую морально-этическую окраску, однако придерживался его, как одной из непреложных традиций «Лаборатории призраков», отказываться от которой ради зомби Гронова не стал. Да и гауптштурмфюрер нарушать её тоже не решился.

Вилли понимал, что без своих собственных заповедей, предрассудков и традиций такие богоугодные заведения, как зомби-морг и «Лаборатория призраков» существовать попросту

не могут. А уж кто эти заповеди и предрассудки формирует и чем они оправданы – особого значения не имело.

Ничего нового для Штубера здесь не открывалось. Он уже не однажды бывал в этом вырубленном в каменистом грунте зомби-морге, воздух в котором всегда оставался сухим и чистым, без малейшей примеси затхлости или трупных газов, поскольку специальные сушильно-вентиляционные агрегаты исправно поддерживали все необходимые атмосферные показатели на заданном уровне. И множество раз видел тела подобных полумертвецов, кандидатов в зомби, которые покоились в обычных, грубо сколоченных деревянных ящиках, так же мало напоминающих по своему внешнему виду гробы, как само это подземелье – облагороженную молитвами часовню.

А вот Орест Гордаш оказался здесь впервые. Отшельник, конечно же, тоже был наслышан об этом дьявольском морге и давно мечтал навестить сюда, однако представилась такая возможность впервые, поскольку допускались сюда лишь некоторые особо важные чины СС. Зато теперь, как и недавно побывавший в сей «потусторонней обители» обер-диверсант рейха Отто Скорцени, он пристально и с каким-то особым душевным трепетом всматривался в выражения лиц полуумерщвленных невольников, инстинктивно пытаясь разглядеть в них черты то ли Сатаны, то ли Иисуса.

На самом же деле ни тех ни других черт там не угадывалось. Это были грубые, изможденные, помеченные печатью обреченности лица, которым даже «фата смерти» не смогла придать хоть каких-то зримых черт благородства, духовной возвышенности или хотя бы жертвенного великомученичества.

– Жизнь все еще окончательно не рассталась с ними, а смерть их так и не приняла, – окрестил их своим нагрудным распятием Отшельник.

– Вы правы, – согласился Устке, вежливо склоняя плешистую голову, «облагороженную» двумя большими родимыми пятнами на темени и затылке. – Они так и зависли где-то посредине между тем и этим мирами. Вряд ли Природе ведом более откровенный пример беспардонного вмешательства человека в дела и заповеди Творца.

– А как прикажете относиться к самому банальному убийству? – спросил Отшельник, медленно переходя от гроба к гробу, словно прощался с теми, кого уже через несколько минут должны были предать земле.

Устке замялся, но Штубер, этот «великий психолог войны», уже заинтересовался их рассуждениями, поэтому нетерпеливо подстегнул начальника зомби-морга:

– Высказывайтесь, главный зомби-палач «Регенвурмлагеря», высказывайтесь. Вы же знаете, что обычно я внемлю каждому слову, молвленному моими подчиненными в этом заупокойном храме.

– Простите, гауптштурмфюрер, но позволю себе напомнить, что перед вами врач.

– Даже так? Вы все еще продолжаете считать себя медиком?! – с вызовом хохотнул Штубер. – Оказывается, всех этих полумертвецов вы пытаетесь излечивать? Мне-то казалось, что, наоборот, умерщвлять.

– Допустим, я пока еще сам не знаю, как все это, – широким жестом сеятеля смерти обвел он уставленную гробами просторную выработку, по самой форме своей тоже напоминающую очертания гроба, – следует именовать на самом деле. Но согласитесь, что это заведение именуется моргом, а не как-то иначе.

– «Зомби-моргом», если уж быть точным.

Только теперь Штубер вдруг поймался себя на том, что так и не выяснил: то ли создатели «Лаборатории Призраков» только потому и избрали эту выработку, что по очертаниям, по самому абрису своему она напоминала гроб. Особенно это бросалось в глаза, когда начинаешь осматривать потолок, под которым неминуемо ощущаешь себя так, словно уже оказался под

крышкой гроба; то ли шахтеры-проходчики специально постарались, приспособив одну из тупиковых ветвей карстовых пустот под «упокойную» для зомби...

– Кстати, обычными, гражданскими моргами тоже ведают медики, разве не так? – уязвленно уточнил врач-эсэсовец. – Увы, содержание этих богоугодных заведений все еще входит в сферу медицины.

– Не спорю, входит.

– Понятно, что мне приходилось много размышлять о судьбе этих несчастных, – признал Устке. – Когда оказываешься на такой вот странного рода службе, неминуемо начинаешь задумываться над множеством тайн бытия, над превратностями жизни и смерти.

– Над множеством – не стоит, унтерштурмфюрер, – упредил его философствование заместитель коменданта лагеря. – У нас для этого слишком мало времени. Сосредоточьтесь на вопросе, затронутом лучшим «распинателем» нашего подземного «Зомби-Лувра», или, как я уже назвал его в своих записках из преисподней – «Лувра Распятый». При этом учтите, что все философские постулаты доктора Мартье мне известны.

6

Устке нервно прошелся раз-второй вдоль ряда ящиков-гробов, в которых лежали кандидаты в зомби. Созерцая эти его метания, Штубер ощущал, что теряет не только желание, но и способность хоть каким-то образом ехидничать, а тем более – язвить.

Нет, этого тебе не понять, сказал себе один из лучших диверсантов рейха. Всю свою жизнь ты обучался только одному искусству – убивать и выживать. Все твое мастерство в том и заключалось, чтобы в совершенстве постичь науку убивать и в таком же совершенстве овладеть наукой выживания. А сейчас, в сомнениях и терзаниях, перед тобой мечется человек, постигающий науку сотворения нового типа, поколения, расы – или как еще следует именовать это полуумерщвленное племя зомби?! – человечества. Превращая каждого из своих пациентов из человека в полумертвеца, а затем вновь воскрешая, чтобы превратить в получеловека.

«Так, может быть, ты не тем занимаешься сейчас, а, барон фон Штубер? – попытался теперь Вилли всю ту язвительность, с которой только что окрысивался на Устке, выплеснуть на самого себя. – Может, хватит подвизаться в подмастерьях всем известного фронтового ордена убийц и самое время позаботиться о создании секретного рыцарского ордена зомби-творцов? Тем более, что первые кандидаты в рыцари сотворяют и зомби и самих себя прямо на твоих глазах!»

Устке не знал и не мог знать, какими благочестивыми мыслями занят мозг барона, но каким-то рабским чутьем уловил, что в эти минуты вести какую бы то ни было полемику со Штубером бесполезно.

– Согласен, – обратился он к Отшельнику, – убивая, мы тоже вмешиваемся в деяния Творца. Но при этом всего лишь прибегаем к одной из разновидностей умерщвления, предусмотренной самой природой. Ибо не нами, грешными, а Создателем предначертано было, что человек сам способен убивать себе подобных и ими же может быть убит. Что ему предоставлено право умирать естественной смертью, погибать при трагических обстоятельствах или кончать жизнь самоубийством.

– Однако мудрость бытия все же заключается не в этом... – как бы между прочим подыграл ему Штубер. – Главное, что ваш Создатель расщедрился на право каждого из нас... убивать, а значит, вершить судьбу себе подобных.

Устке запнулся на полуслове и несколько мгновений вопросительно смотрел на Штубера, пытаясь уловить логику его рассуждений, в которых ему уже чудился некий софизм, некий философский подвох.

– Правильно, создатель расщедрился на право каждого из нас убивать, – неуверенно как-то продолжил он. – Причем убивать не только на войне, но и в любые прочие времена – из-за какой-то банальной мести, в порыве ревности или же во время разбойной «охоты». А вот зомбирование, сотворение зомби-человека... Можем ли мы считать зомби-умерщвление убийством?

Поначалу Штубер воспринял этот вопрос как риторический, но, убедившись, что подчиненный Фризское Чудовище упорно держит паузу, проворчал:

– Сдаюсь, пока что я не готов отвечать на все заповеди зомби-творца. Для этого понадобилось бы сотворить не только целое поколение этих недочеловеков, но и написать для них новый «Ветхий Завет».

– Постойте, постойте, – неожиданно оживился Устке. – А ведь то, что вы только что изrekli, – идея. «Новый Рейхс-Завет».

– Лучше сразу же назвать этот труд «Библией зомби», – вспыхнули глаза и у самого Штубера, признательного Устке за то, что тот сумел оценить как-то слишком уж буднично сформировавшийся замысел. Который вполне можно было считать гениальным. Без всякой там по-

христиански ложной скромности. – Или «Зомби-Библией». Стоит ли терзать себя всякими филологическими изысками? В котором, вместо Христа, спасителем рода человеческого будет числиться доктор Мартье. Или его непосредственный патрон Отто Скорцени. Вторая кандидатура даже выглядит предпочтительнее.

Устке склонился над одним из полумертвецов, пытаясь присмотреться к цвету лица, на который всегда обращал внимание доктор Мартье, но Штубер нервно одернул его:

– Да оторвитесь вы от своих палаческих дел, христопродавец вы наш! Мартье, Гамбора, Устке, Овербек, Фризское Чудовище, наконец... Разве эти имена не достойны того, чтобы оказаться в одном ряду с библейскими пророками-евангелистами? Да я уже прямо вижу перед глазами главы «Зомби-Библии», озаглавленные «Евангелие от Устке», «Евангелие от Мартье», «Евангелие от Скорцени», «Евангелие – прости меня Господи – от Фризского Чудовища»...

– Простите, а причем здесь Скорцени? – вдруг встрепенулся Устке, доселе увлеченно вслушивавшийся в библейские фантазии обер-евангелиста от СС.

Устке с нескрываемым ужасом взглянул на начальника зомби-морга и с благоговейным трепетом объяснил:

– А вот этим вопросом задаваться не следовало, Устке. Каким угодно, только не этим. Скорцени – «при всем». В том-то и дело, что в нынешней войне Скорцени – «при всем». Если бы войны не порождали таких гениев диверсий, как Скорцени, – внушающе вещал барон, почти склоняясь над зрителем зомби-морга, который, в свою очередь, все еще склонялся над умерщвленным пленным, проходившим в ведомостях «Лаборатории призраков» уже под кодовым номером «Зомби-541», – они давно лишились бы ореола романтики и героизма, а значит, потеряли бы в глазах воинствующего человечества всякий смысл.

Устке слишком плохо знал Штубера, чтобы понять, что в его словах – убеждение, а что всего лишь ироническая бравада, но на всякий случай миролюбиво признал:

– Теперь улавливаю вашу мысль. «Евангелие от Скорцени». Как не понять?

– Откровениями которого и будет открываться наша с вами «Рейхс-Библия зомби», в которой лично мне, недостойному фронтовику-окопнику, будет отведена всего лишь скромная роль копииста. Если, конечно, совет апостолов-евангелистов не сочтет подобное назначение кощунственным.

Смотритель зомби-морга напомнил было Штуберу, что до сих пор «Библией» национал-социализма, а значит, и самого рейха, было принято считать «Майн кампф» Гитлера, но барон легкомысленно предположил, что после падения рейха этот труд фюрера вряд ли потянет даже на «Ветхий завет», да и то весьма сомнительной святости. И смотрителю зомби-морга пришлось столь же легкомысленно согласиться: «Действительно, вряд ли!».

– Всем вышеизложенным вопросам и будет посвящен один из моих психоаналитических трудов, Устке.

– Начните с того, что в «Лаборатории призраков» мы пытаемся создавать некую разновидность гомо сапиенса, не только не испросив при этом позволения у Господа, но и нагло вторгаясь в его прерогативы.

* * *

Устке хотел продолжить свой монолог, но в это время появился доктор Мартье – приземистый худощавый француз с лицом аристократа, испещренным морщинами старого, обожженного всеми северными ветрами померанского¹³ рыбака.

¹³ По определению германцев, «Регенвурмлагерь» располагается в Восточной Померании, одной из исторических приморских областей Германии.

Поняв, что привело в его обитель заместителя коменданта и Отшельника, которого Мартье уже хорошо знал, обер-зомбист рейха повел их в свой кабинет, пригласил туда «Зомби-08» и только тогда, близоруко щурясь, поднес статуэтку к самому лицу.

– Я не большой ценитель искусства, – бубнил он, внимательно всматриваясь при этом в выражение лица распятого, – но уверен, что от этого изуродованного нашим зомби распятого Иисуса церковники будут не в восторге. А именно они мнят себя истинными знатоками всего божественного на этой грешной земле.

– Понятно, что выражение лица им не понравится, – согласился с ним Отшельник. – Хотя как раз таким оно, возможно, и было у Христа в тот судьбоносный момент распятия.

– Хватит того, что римляне поглумились над этим иудеем, распяв его на Голгофе, – все еще не отрывал взгляда от статуэтки главный зомбист «СС-Франконии», никак не реагируя при этом на вторжение Ореста в свой монолог. – Зачем же глумиться еще и таким вот жестоким образом вам, распинателям от искусства? – повертел Мартье статуэткой у самого носа. – А, что скажешь, зомби Гронов?

Отшельник перевел его ответ, однако похоже было, что зомби и сам неплохо владел языком рейха.

– Я – «Зомби-08», – по-армейски подтянувшись, ответил этот новоявленный скульптор на неплохом немецком.

– Это нам известно. Я спросил о твоём «Распятии», о лике Христа.

– Я – зомби-воин из роты Свирепого Серба.

– Тоже звучит устрашающе. Что еще ты решил поведать нам... сержант Гронов? – спросил Мартье, заглянув в лежавшую на его столе «амбарную книгу», в которой содержалось краткое досье на каждого из сотворенного им в «Лаборатории призраков» зомби.

– Теперь я работаю с мастером Отшельником. Вырезаю статуи распятого Иисуса.

– Вот тут-то и начинается самое любопытное, – после каждого слова задумчиво кивал головой Мартье, рассчитывая, что наконец-то зомби прорвало и он разродится какими-то словесными тайнами. – Хотелось бы понять, почему ты намерен вырезать их в виде таких вот уродцев. Слушаю, сержант Гронов, слушаю.

Обращаясь к нему по фамилии и воинскому званию, Мартье уже нарушал один из постулатов «Лаборатории призраков» – никогда не напоминать зомби их прежние имена, должности и места рождения, дабы не пробуждать в их сознании проблески былой памяти, сфера которой все еще оставалась неизученной и проявлялась множеством странностей. Из тех постулатов, которые сам же и вводил. Иное дело, что Гронов лишь молча следил за выражением лица и движением губ своего создателя. В эти минуты он был похож на глухонемого, пытающегося считать сказанное с губ собеседника.

– Я попытаюсь беседовать с этим зомби во время его работы над «Распятием», – пришел на выручку им обоим Отшельник. – Давно обратил внимание, что в это время выражение его лица становится более осмысленным.

– ...И все же побеседовать с тобой, сержант Гронов, следует, – едва скрывая раздражение, проговорил доктор Мартье, очевидно, недовольный своей неудачей. – Причем говорить долго, терпеливо, а главное, обстоятельно. Пока же выйди за дверь и подожди там. Для чистоты эксперимента мы пообщаемся без тебя. – А как только зомби закрыл за собой дверь, обратился к Отшельнику: – Не знаю, что именно вы хотели бы услышать от меня, резных дел мастер, но сразу же замечу: эта искаженность образа Христа происходит не от того, что «Зомби-08» бездарный резчик.

– Согласен, ибо резцом этот самый зомби-сержант пользуется довольно умело. Но, с другой стороны, я требовал, чтобы он попытался скопировать вот это «распятие», – снял он с шеи и положил на стол перед доктором Мартье свой крест. – Можете сравнить: никакого сходства.

– Возникает вопрос: – подключился к их разговору фон Штубер, – то ли зомби не способен к такому копированию, то ли он воспринял лишь главное условие задания и попытался создать собственный образ Христа?

Мартье вновь поднес статуэтку, вырезанную «зомби ноль восемь» почти к кончику носа и лишь после этого водрузил на нос очки в покрытой ржавчиной оправе, на которые, судя по всему, не очень-то полагался.

– Единственное, на что я способен, так это расширить круг ваших вопросов еще одним. А возможно, именно так этот зомби и воспринимает, именно так творчески «видит» мученический лик сына Божьего? Почему бы не рассмотреть и такой, психологически самый сложный вариант? Это я уже спрашиваю вас, господин Штубер, как человека, входящего в историю Европы с титулом «величайшего психолога войны».

Штубер и Отшельник многозначительно переглянулись и поняли, что на все те вопросы, которые могут возникнуть в связи с творческими порывами бывшего сержанта Гронова, им еще только предстоит получить ответы, причем искать их придется вместе с сотрудниками «Лаборатории призраков».

– Я понаблюдаю за ним, – молвил резных дел мастер.

– Ведите дневник, Отшельник. Ваши записи могут оказаться неоценимыми. Что же касается этой статуэтки, то она останется у меня, в моей коллекции распятий.

– Не понимаю, почему вы пытаетесь превратить этого человека в резчика по камню, – сказал доктор Мартье и в последний раз взглянув на «распятие», неохотно вручил его заместителю коменданта, словно отдавал свое кровное. – Это бывший боксер. Определенно, что еще в той, боже-человеческой, как я называю её, жизни Гронов был почти нечувствительным к боли, а сейчас он её практически вообще не ощущает.

– То есть советуете готовить его к роли диверсанта? – оживился Штубер.

– ...Тем более что Гамбора неплохо овладел методикой подготовки зомби-воинов и зомби-диверсантов, – поддержал его замысел доктор Мартье.

Отшельник бросился отстаивать своего подмастерья, напомнив, что таким образом они теряют талантливого скульптора и что существует человек, который точно так же нечувствителен к боли. Это камнетес, которого все знают как отца Никодима. А поскольку камнетеса найти проще, нежели скульптора, то почему бы в роли диверсанта не испытать этого самого Никодима.

– Рядового Ермакова, – уточнил Мартье, вновь заглянув в свой «гроссбух». – Подтверждаю, он тоже почти нечувствителен к боли.

– Но его еще только предстоит превратить в зомби, – напомнил им обоим Штубер, резким движением руки пресекая дальнейшие попытки спорить с ним. – Сколько времени понадобится, чтобы подготовить из Гронова зомби-диверсанта?

– Если учесть его прошлый фронтовой опыт, а также то, что подготовку по программе зомби-воина сержант Гронов уже прошел...

– Недели этому вашему Гамборе хватит?

– Вам хорошо известно, что Гамбора склонен к экспериментаторству. В отличие от меня, приверженца традиций жрецов вуду.

– Война всем нам оставила слишком мало времени на наши эксперименты, доктор Мартье. В том числе и на один из величайших экспериментов человечества – создание Третьего рейха.

С грустью потупив взоры, офицеры СС угрюмо помолчали, словно поминали покойника.

– Не гарантирую, что мы произведем на свет двойника обер-диверсанта рейха Отто Скорцени...

– Если бы вам это удалось, я бы тотчас же вздернул вас. Просто так, на всякий случай.

– Никогда не сомневался в вашей щедрости, – тяжело, словно ржавыми шестернями, шевелил своими морщинистыми челюстями доктор Мартье.

– Кстати, для диверсионной операции, замысел которой уже несколько дней вызревает в моих фантазиях, вы, Отшельник, тоже понадобится. Не решил, для какой именно роли, но ощущаю, что понадобится.

– Не знаю, какой из сержанта Гронова выйдет диверсант, но как скульптора мы его потеряем. Какой в этом смысл? У нас много других зомби. Хотите, поищем вместе. А еще лучше – положиться на опыт Фризского Чудовища. Причем только что вы сами велели вести записи по поводу творческих успехов «Зомби-08».

Однако у Штубера было свое видение судьбы этого человека и свои планы, посвящать в которые Отшельника он не собирался.

– Почему вы считаете, что как скульптора мы его потеряем? В течение двух часов перед отбоем Гронов в вашем распоряжении. Если он пожелает еще часик прихватить после отбоя – не возражаю.

– На это и будем ориентироваться.

– К тому же не уверен, что на задание мы отправим Гронова уже на следующий день после завершения зомби-диверсионного курса.

– Но отправлять будете только Гронова? Речь идет только о нем или обо мне – тоже? – Отшельник явно пытался произнести свои вопросы как можно безразличнее, но гауптштурм-фюрер уловил, что скрыть волнение ему не удалось.

7

Когда взвод зомби-диверсантов принялся ползком преодолевать полосу боевого заграждения, Свирепый Серб стоял на возвышенности, у входа в дот, и внимательно следил за действиями каждого из них. Чуть позади него поеживался в своем куце армейском кожанке лейтенант Гамбора, слывший самым талантливым из учеников доктора Мартье.

Сын гаитянской креолки¹⁴ и негра, потомка некоего знатока учения Вуду, завезенного в свое время на Гаити вместе с партией рабов из Дагомеи, он принадлежал к тем метисам, черты лица которых еще сохраняли благородство испанских идальго, а туловище – мощь и выносливость африканских рабов.

Небольшого росточка, но достаточно плотного телосложения, в нахлобученной на уши пилотке, он время от времени подносил к глазам небольшую, возможно, сохранившуюся в его роду еще со времен конквисты подзорную трубу, и, может быть, поэтому чем-то едва уловимым напоминал Бонапарта, осматривавшего с пригорка свое замерзающее в подмосковных снегах войско.

Гамбора был молчалив и внешне сдержан, хотя, судя по тому, как подолгу он рассматривал в свою трубу те или иные участки наступления зомби-диверсантов, безразличен к поведению своих питомцев на «поле боя». Как-никак именно он отвечал в «Лаборатории призраков» за «сотворение» зомби-диверсантов и первичную подготовку их по диверсионной программе. И в этом плане он находился в личном распоряжении обер-диверсанта рейха Отто Скорцени, а также под его жестким контролем.

Со стороны озера дул пронизывающе сырой, болотный какой-то ветер; крупные снежинки носились в воздухе, как оторванные от корабельных мачт паруса, а подтаявшая под утренним солнцем земля теперь, не замерзая, покрывалась снежным саваном, исходя под телами ползших зомби глубокими грязновато-белыми полосами, словно под телами уползающих в свои болота крокодилов.

– Живее проходи, шкуродеры иллирийские! – уже в который раз взрывался своим рычащим басом Свирепый Серб, делая пару очередных глотков из армейской фляги. – Что вы, ублюдки, мнетесь, как перед ложем девственницы?! В землю, в землю втискивайтесь, выкидыши старой ослицы!

Залегшие в окопе, опоясывавшем подножие холма, помощники Свирепого Серба били над головами ползущих очередями боевых патронов; под грудью то одного, то другого диверсанта взрывались учебные заменители мин, окутывая пространство над полигоном горчичным запахом своего чадного дыма, но зомби все ползли и ползли – переваливаясь через «условно брустверные» насыпи, протискиваясь под рядами колючей проволоки, перекатом преодолевая ограждение там, где проползти было невозможно.

Установленный между двумя полосами заграждений радиофугас был взорван пиротехниками буквально в двух метрах от ползшего крайним командира первого взвода «Зомби-020». Отброшенный в сторону взрывной волной, он с минуту лежал неподвижно, а затем вдруг «прозрел» – как на языке зомби-творцов именовалось возвращение к их подопытным любого человеческого чувства или ощущения, – и, поднявшись в полный рост, ринулся на вторую линию «колючки», прямо под пули пулеметчика.

Свирепый Серб метнул на Гамбору такой испепеляющий взгляд, что тот испуганно съехал и решительно повертел головой:

¹⁴ Креолы – потомки первых колонизаторов-переселенцев из Европы в Латинскую Америку, сумевшие сохранить свою кровь от смешения с индейской кровью аборигенов (такие, со смешанной кровью люди именуются метисами) или негритянской кровью рабов (мулаты).

– Так вести себя зомби не должны, – явно оправдываясь, пробормотал он.

– Не стрелять! – не слушая его, во всю мощь своих легких прорычал Свирепый Серб, обращаясь к командиру защищавшихся.

– С этим зомби что-то не так, – уже явно встревожился Гамбора.

– Кажется, с нами всеми уже «что-то не так»! – взъярился Свирепый Серб. – Вот только разбираться некогда. Всем лежать, шкуродеры иллирийские! Приказано всем лежать!

Не дожидаясь, пока затихнет пулеметная очередь, серб ринулся вниз, к «Зомби-020», чтобы остановить его, сбить с ног, по-армейски втиснуть в спасительную землю.

Ничего особенного в поведении зомби-лейтенанта вроде бы не обнаруживалось. Бывшему командиру сначала батальона партизанской армии Тито, а затем полицейского батальона вермахта множество раз приходилось видеть, как, срываясь, солдаты не убегали с поля боя, а наоборот, поднимались в полный рост и бросались на дот, на пулеметную точку, просто на окопы врага. И трудно было понять, чего в подобной «психической атаке» проявлялось больше: отчаянной солдатской храбрости или самого простого человеческого отчаяния; осознанного самопожертвования или трусливо-спасительного, паникерского самоубийства. Конечно, на фронте каждый решал за себя, однако ни себя, ни кого бы то ни было не шадивший Свирепый Серб всегда приходил в ярость, когда видел, как кто-то из солдат погибает зря, без какой-либо пользы для своего отряда и своей армии, для общего исхода боя.

Впрочем, все это относилось к обычным солдатам, а не к зомби-воинам. Гамбора прав: так вести себя зомби вроде бы не должны. Вот только кто по-настоящему способен определить: как должны и как не должны, а главное, перед кем они должны пребывать за это в ответе? Перед Господом? Вряд ли, поскольку Господь их такими не сотворял? Перед людьми? Тоже вряд ли, поскольку в сущности своей они уже не люди, а, как любит называть их Свирепый Серб, – «воскресшие нелюди».

Этот же серб Арсен Ведович как раз и предложил во время очередного совещания у коменданта лагеря сформировать из зомби-нелюдей «гарнизон воскресших» или «воскресший гарнизон нелюдей». Но при этом заметил, что многие солдаты становятся нелюдями задолго до того, как превращаются в зомби, поскольку таковыми делает их сама война, давно ставшая прообразом «Лаборатории призраков». Арсен настолько был убежден в этом, что если кто-то решился прямо спросить: а не превратился ли он сам, Свирепый Серб, в такого же армейского нелюдя, то наверняка яростно прорычал бы: «Еще как превратился! Причем давно!».

Говоря о формировании подразделений зомби, безразличный к словесным изыскам Свирепого Серба доктор Мартъе тем не менее так и отметил в своем рапорте в штаб войск СС, что речь идет о «подразделениях воскрешенного гарнизона Регенвурмлагеря». Ознакомившись с этим чистописанием жреца «Лаборатории призраков», Гиммлер вызвал к себе в Берлин Штубера, но затем почему-то долго не принимал его, хотя оговоренное время давно прошло. Этот вызов запомнится барону надолго...

8

– ... Уж не намерен ли рейхсфюрер СС передать нас в подчинение штабу военно-морского флота? – въедливо поинтересовался тогда Штубер у адъютанта командующего войсками СС, увидев, что, не задерживаясь в приемной, в кабинет Гиммлера проследовало сразу двое адмиралов и какой-то капитан первого ранга.

– Вы бы, конечно, предпочли, чтобы, наоборот, весь наш подводный флот был придан комендатуре «Регенвурмлагеря»? – не остался в долгу штандартенфюрер Брандт.

– Согласитесь, с подводниками у нас, «дождевых червей», немало общего – если уж кому-то пришло в голову назвать нашу базу именно так: «лагерем дождевого червя». И коль уж наземными силами наши генералы распоряжаются бездарно, то почему бы не создать силы подводно-подземные?

– Военно-полевой суд вас храни от того, чтобы вы произносили эти слова в присутствии фельдмаршала Кейтеля, – предупредил его Брандт в порыве адъютантского человеколюбия. – Да и в этих стенах богохульствовать по поводу неудач... временных, разумеется, неудач – на фронте тоже решается не каждый.

Однако совету его барон не внял. Его явно повело. В нем разыгрались амбиции окопника, которые не раз подводили офицеров, появлявшихся в относительно сытом и спокойном Берлине после кровавых перипетий Восточного фронта.

– И все же хотелось бы знать, господин штандартенфюрер, почему вдруг вы решили, что я могу подождать, а наши субмаринники – нет?

– Так решил рейхсфюрер, – с монашеской кротостью уточнил адъютант Гиммлера.

– В этом и заключается суть моего вопроса, – явно расхрабрился барон. – Возможно, вы подскажете, почему он так решил?

И тотчас же в укоризненном взгляде адъютанта вычитал: «Хотел бы я видеть, как бы вы, барон, храбрились, ожидая вызова в приемной Мюллера или шефа СД Кальтенбруннера!». Однако вслух штандартенфюрер произнес:

– Уже хотя бы потому, что этим морским волкам предстоит формировать новую мощную эскадру субмарин, которая будет состоять из нескольких стай «Фюрер-конвоя»¹⁵.

– Считаете это достаточным поводом для того, чтобы рейхсфюрер получил право окончательно разрушить миф о непреложной германской пунктуальности?

– Вполне, – решительно подтвердил Брандт, а, наткнувшись на удивленный взгляд заместителя коменданта «СС-Франконии» по вопросам безопасности, объяснил. – Если учесть, что от судьбы «Фюрер-конвоя» может зависеть и судьба гарнизона вашей подземной базы.

– Издеваетесь, Брандт? – несмотря на разницу в чине, они были достаточно дружны, чтобы гауптштурмфюрер мог позволять себе такие вольности.

– В том-то и дело, что нет. Хотя, при случае, не отказываю себе в таком удовольствии. Но, заметьте, только с более низкими по чину, – упреждающе уточнил адъютант.

– Тогда, может быть, решитесь объяснить? Просветите же меня, червя дождевого.

– Этого пока что никто не способен объяснить. Во всяком случае, подступаться к подобным разговорам слишком рано. И потом, вам ведь известно, для чего формируется «Фюрер-конвой». Не темните, барон, известно. Обычно Скорцени не создает для вас тайны из чего-либо, что перестает быть тайной для него самого.

– Только в общих чертах, в самых общих...

¹⁵ Речь идет о создании секретной эскадры субмарин «Фюрер-конвой», суда которой занимались в основном переброской людей, техники и материалов на секретную «Базу-211», создаваемую гитлеровцами в Антарктиде.

Адъютант ответил на чей-то телефонный звонок, затем прислушался к тому, что происходит за дверью кабинета рейхсфюрера, хотя знал, что обычно оттуда не долетают никакие звуки, и лишь после этого интригуяще заметил:

– Когда речь идет о «Фюрер-конвое», барон, даже «самых общих черт» тоже порой оказывается многовато.

– Понимаю. И все же... Считаете, что вскоре какую-то часть гарнизона могут перебросить в Антарктиду?

Адъютант укоризненно взглянул на барона и сокрушенно покачал головой.

– Вам бы следовало начинать службу в абвере, Штубер. Основные сведения вы умудрялись бы добывать исключительно своей дотошностью.

Брандт тотчас же умолк, однако барон понял, что в любом случае отвергать его версию адъютант Гиммлера не стал бы, и этого было достаточно.

Дальше терзать старину Брандта расспросами барон не стал, всему есть предел. В конце концов, адъютант и так снабдил его всеми необходимыми подсказками, позволявшими выявить тайные нити, которые соединяли подземную базу в Антарктиде с подземной базой в Померании.

В свое время германское командование рассчитывало на «Лагерь дождевого червя», как на базу, в которой смогут приютиться самые секретные научные лаборатории, разведывательно-диверсионная школа СС, а главное, в смутные времена – и штаб Верховного главнокомандования вооруженными силами рейха, вместе со ставкой самого фюрера.

Вот только место для столь важной базы – на правом берегу Одера, на территории, которую поляки всегда считали исторически своей, – было избрано крайне неудачно. Теперь, когда русские войска уже на Висле, а поляки усиленно возрождают свою собственную армию, это очевидно для всех.

Стоит ли удивляться, что стратеги рейха решили позаботиться о новой, куда более защищенной секретной базе?

* * *

Гиммлер задумчиво вышагивал по своему кабинету, а затем спросил у застывшего у двери адъютанта:

– Как считаете, штандартенфюрер Брандт, насколько серьезно мы можем рассчитывать при обороне «Регенвурмлагеря» на мощь и стойкость этого, как его там... «воскресшего гарнизона»? Состоящего, насколько я понимаю, в основном из зомби-воинов.

Брандт растерянно взглянул на стоявшего рядом Штубера, давая понять Гиммлеру, что вопрос следовало бы адресовать ему. Однако рейхсфюрер терпеливо ждал.

– С вашего позволения, я отвечу не как адъютант рейхсфюрера СС, а как обычный армейский офицер.

– Ну, если должность адъютанта настолько отягощает вас... – опасно намекнул Гиммлер, пожав плечами.

Однако Брандт давно привык к его намекам, как и к тому, что в большинстве случаев угрозы, которые содержатся в них, так и остаются угрозами.

– Мое мнение таково: вряд ли русские решатся отвлекать свои дивизии на бои в многокилометровых подземельях «СС-Франконии».

Гиммлер с сонливой усталостью в глазах смотрел на адъютанта и молчал, никак не выдавая своей реакции. Тем не менее Брандт понял, что на сей раз его лаконизма патрон не воспринял. Впрочем, как и глубинного смысла сказанного.

Он хотел было разъяснить свою позицию, однако рейхсфюрер упреждающе поднял вверх руку и позволил ему удалиться, оставив наедине с начальником службы безопасности «СС-Франконии».

– Оказывается, то, над чем мы с вами, барон, пока еще только втайне размышляем, для наших адъютантов уже очевидно.

Гиммлер предложил Штуберу присесть, а сам еще дважды прошелся по кабинету, прежде чем тоже грузно опуститься в кресло и на несколько минут впасть в полнейшую прострацию.

– Слушаю вас, Штубер, слушаю, – неожиданно как-то ожил он, все еще задумчиво глядя в сторону окна. – Вам ведь приходилось вести борьбу с партизанскими гарнизонами одесских катакомб. Как и борьбу с гарнизонами дотов русских укрепрайонов. Во всяком случае, так мне говорил Скорцени.

Собираясь с мыслями, Штубер многозначительно покряхтел. По крайней мере теперь он понимал, почему рейхсфюрер вызвал в Берлин именно его, а не коменданта лагеря фон Риттера. Что же касается «Регенвурмлагеря»... В последнее время Вилли задумывался о его судьбе все чаще, поскольку все чаще задумывался о своей собственной. Но как лаконично изложить суть своих размышлений рейхсфюреру СС?

– В сущности Брандт прав. Методы борьбы с гарнизонами подобных подземных бункеров и крепостей давно отработаны: достаточно заминировать пространство у каждого из входов-выходов и оставить возле них небольшие заслоны метких стрелков, чтобы полностью нейтрализовать засевших там бойцов, не отвлекаясь при этом от основных наступательных направлений.

– Хотите сказать, что в реальной боевой обстановке ни численность гарнизона, ни его вооружение особого значения не имеют?

– Куда большее значение имеет тактика построения обороны.

– То есть мы должны будем строго придерживаться вашей антипартизанской тактики?

– Численность гарнизона и его обеспечение тоже могут сыграть свою роль, если нацеливать его защитников не на активные действия в тылу врага, а исключительно на защиту своих подземелий и на выживание. Разбить гарнизон на небольшие тактические группы, определить сектора обороны, пути отступления и тайные выходы на поверхность. Тайные выходы – это особенно важно. Одесские партизаны называли их «лисьими лазами» и очень дорожили каждым из них, поскольку ничто так не действует на психику катакомбника, как осознание того, что выходы на поверхность заблокированы. Срабатывает эффект западни.

– Но ведь гарнизон «Регенвурмлагеря» уже давно обитает над землей, – возразил Гиммлер. – Значит, вопрос привычки.

– Бойцы гарнизона знали, что все выходы на поверхность действуют, к тому же по воскресеньям всех их выводили на поверхность. Притом что гарнизоны дотов и так могли спокойно дышать, наслаждаясь «духом природы».

– О тех же проблемах мы только что беседовали с командованием подводного флота.

– Который, кроме всего прочего, занят обустройством нашей «Базы-211» в Антарктиде, – решил блеснуть эрудицией барон. И был слегка шокирован, когда Гиммлер резко осадил его.

– Разве я пригласил вас для того, чтобы обсуждать проблемы «Базы-211», само упоминание о которой вне этих стен запрещено под угрозой суда? – Штубера такая реакция задела. В нем разыграл аристократический гонор, и понадобилось какое-то время, чтобы барону удалось погасить его вспышку. Но пока он умирал свою гордыню, рейхсфюрер неожиданно, совершенно иным, трезвым, рассудительным голосом произнес: – Вместе с тем антарктический вариант мы тоже не должны исключать. Как, прочем, и передислокацию основных подразделений в район «Альпийской крепости». Как вы относитесь к такому варианту? К «Альпийской крепости»?

– Мне трудно судить об этой, пока что условной, как я понимаю, «крепости», – сухо ответил Штубер, пытаясь хотя бы таким вот методом отомстить Гиммлеру, – поскольку понятия не имею, что это за крепость, где она расположена, каково ее предназначение, а главное, каковы ее реальные возможности.

Гиммлер в упор расстрелял его свинцовыми стекляшками своих очков и вернулся к своему месту за столом.

– Если честно, барон, мне тоже хотелось бы получить ответы на все высказанные вами сомнения. Где конкретно эта «крепость» расположена, – взглянул рейхсфюрер на висевшую на стене огромную карту Германии, – каков ее гарнизон и каковы возможности. Но пока что известно только одно: заниматься подготовкой этой «Альпийской крепости» к обороне фюрер поручил Отто Скорцени.

– Обер-диверсанту рейха известно об этой крепости не больше нашего. Мне пришлось поговорить с ним по этому поводу.

Гиммлер тактично помолчал, а затем произнес:

– Что ж получается, что в реальное существование «Альпийской крепости» все еще искренне верит только фюрер? Или фюрер... уже тоже верит? Похоже, что пока что только он, и никто больше.

– А вот «СС-Франкония» действительно существует, – поспешил сменить тему Штубер, на сей раз явно приходя на выручку Гиммлеру. – Независимо от того, верит кто-либо в ее существование или не верит. Но для того, чтобы рассчитывать на нее, как на отдельный укрепленный район, следует позаботиться о складах продовольствия, амуниции и вооружения, а также о защите источников света, тепла и питьевой воды. Кроме того, нельзя забывать о партизанских базах и агентурной сети на поверхности лагеря. Это целая система, создавать которую следует задолго до того, как наши бойцы окажутся в тылу врага, помня при этом, что никто из них не имеет никакого опыта партизанской борьбы.

– Приблизительно то же самое говорил мне недавно главный интендант войск СС, начальник тылового снабжения наших фронтовых подразделений, – задумчиво кивал Гиммлер. – Как только ореол героизации развеивается, – изрекал он, – наступает миг тылового интендантского прозрения, со всем его снабженческим идиотизмом.

– И его следует понять. Только дилетанты могут воспринимать партизанское движение в тылу врага в ореоле диверсионной романтики. Проблем возникает очень много. Так что вряд ли стоит оставлять там большой гарнизон. Мне порой кажется: а не лучше ли эту массу людей рассредоточить по украинским и белорусским лесам? Так или иначе все они погибнут, но в лесах действовать будут эффективнее.

Их разговор был прерван приближающимся, надрывным каким-то гулом моторов. Хотя звенья самолетов проходили по северо-восточной окраине Берлина, нетрудно было определить, что это шли тяжелые бомбардировщики в сопровождении нескольких групп истребителей. Появление еще одной армады англо-американской авиации напомнил офицерам СС, что время победных иллюзий в самом деле истекло, настало время жестких «пораженческих» решений.

– А весь подземный город СС, конечно же, прикажете взорвать... – иронично продолжил мысль барона рейхсфюрер СС.

– Взорвать?! Такое огромное, уникальное строение? Зачем?!

– Вот и я тоже считаю, что уничтожение «Регенвурмлагеря» было бы сущим безумием, – вновь поднялся из-за стола и продолжил свое нервное хождение по кабинету Гиммлер. – К которому меня, кстати, активно подталкивают.

– Срабатывает некий сатанинский «инстинкт отступления», согласно которому, все, что отступающие войска не способны увезти с собой, подлежит уничтожению. Но унести с собой в рейх «Регенвурмлагерь» мы не способны, и буквально через пару месяцев он окажется на

территории возрожденной Польши. Причем не важно, кем возрожденной – Британией или Советами.

Покачиваясь на носках, Гиммлер с минуту стоял у окна, спиной к Штуберу. Барон не способен был прочесть мысли командующего войсками СС, но интуитивно улавливал, что размышлял тот не о «Регенвурмлагере» и не об «Альпийской крепости». Скорее всего он думал о спасении. Не рейха, а своем собственном. Гиммлер не мог не знать, что ненавистью к СС охвачены не только враги Германии, но и сотни тысяч самих германцев, в том числе и солдат вермахта. Он мог почувствовать это, расследуя вместе с Мюллером обстоятельства арестов, совершенных в июле в Париже подчиненными Штюльпнагеля, во время заговора генералов против фюрера.

Уж кто-кто, а Гиммлер прекрасно понимал, что именно он вынужден будет предстать перед победившей Европой в ипостаси воплощения идеи СС – со всеми ее концлагерями, крематориями и гетто; с карательными экспедициями, зондеркомандами, а также гестапо, СД и всеми прочими службами и подразделениями.

– Вы знаете, что фюрер назначил меня командующим группой армий «Висла»?

– Так точно, господин рейхсфюрер. Это было мудрое решение.

Оглянувшись, Гиммлер недоверчиво блеснул свинцово-тусклыми стеклами своих очков, пытаясь выяснить: действительно ли «человек Скорцени» считает это назначение очередным проявлением фюрерской мудрости или же попросту иронизирует?

– Так вот, завтра у меня состоится встреча с фюрером, – вновь уставился Гиммлер на унылый зимний пейзаж за окном. – Понятно, что он обеспокоен судьбой «Регенвурмлагеря» и стоит перед нелегким выбором его судьбы. Было бы неправильно, если бы перед встречей я не выслушал мнения начальника службы безопасности этого подземного города СС.

– Но мое мнение может не совпадать с мнением коменданта, бригаденфюрера фон Риттера.

– И можете не сомневаться: не совпадет. Уже хотя бы потому, что у коменданта нет этого самого «своего мнения». Кстати, вы ведь беседовали с ним перед отъездом?

– Как всегда, фон Риттер полагается только на волю фюрера, не желая предлагать каких-либо собственных решений.

– Я понял это после вчерашнего телефонного разговора с ним, – подтвердил Гиммлер. – Поэтому-то фон Риттер и не интересен теперь ни мне, ни фюреру.

Штубер удивленно хмыкнул и решительно передернул подбородком. Он знал, сколь опасно втягиваться в игрища верховных жрецов СС и рейха, поэтому старался не увлекаться ими, а главное, не давать повода кому бы то ни было из этих самых жрецов причислить его к своей команде. Его вполне устраивал статус «человека» или «бойца Скорцени».

Бомбардировочная армада давно покинула пределы берлинских предместий и ушла куда-то на юг, возможно, в сторону Праги, вокруг которой формировалась мощная группировка генерала Шредера и у стен которой англо-американцы желали бы оказаться значительно раньше русских и созданных ими прокоммунистических чешских подразделений генерала Свободы.

– Так вот, возвращаясь в «Регенвурмлагерю», – нарушил молчание Штубер. – Не проще ли оставить его в более или менее нетронутым виде, с тем, чтобы последующие поколения всех народов восхищались этим колоссальным подземным сооружением, как восхищаются таинственными египетскими пирамидами или мощными стенами древних крепостей? Не в таких ли сооружениях заключаются свидетельства истинного величия Третьего рейха? Причем не только военного, но и научного, инженерно-технического, философского...

Теперь Гиммлер уже не только явил Штуберу свой лик, но и приблизился к нему. Достав из стола бутылку коньку и бокалы, он налил этого блаженственного напитка себе и Штуберу и, вместо тоста, произнес:

– Я вот о чем все чаще задумываюсь, барон: может, наша с фюрером ошибка в том и заключалась, что мы всегда поощряли беспрекословных исполнителей, редко замечая генералов и офицеров, способных принимать собственные решения?

– Главное, поверить, что у нас все еще остались генералы и офицеры, способные самостоятельно принимать важные решения, – с вежливым аристократическим поклоном заметил барон.

Но и этот визит – из прошлого, подробности которого фон Штубер возрождал благодаря воспоминаниям.

9

...Настигнув паникера у очередного, отмеченного флажком, фугаса, командир учебной зомби-роты схватил его за ворот бушлата, в прыжке подсек и, завалив на спину, изо всей силы врубился носком сапога в бедра. Затем приподнял, выбил из руки незаряженный русский пистолет «ТТ», и, схватив теперь уже за загривок, швырнул головой к стволу дерева, к которому потом буквально припечатал мощным пинком.

– Всем – на землю, шкуродеры иллирийские! – оглашал окрестности своим бизоньим рыком Арсен Ведович – известный в Регенвурмлагере под кличкой Свирепый Серб, – хотя все остальные зомби, пусть и прекратили свое движение, однако продолжали лежать в месиве из раскисшего грунта и подтаявшего снега. – Передущу и в землю зарю!

Взводный зомби попытался нанести ему удар в челюсть, однако Свирепый Серб успел перехватить кисть руки и сжать ее с такой силой, что у зомби подогнулись ноги. Сильнейшим ударом в подбородок Арсен повалил «Зомби-020»-го в едва подернутую легкой ледовой коркой выбоину и вновь приказал всему взводу продолжать движение в сторону окопов.

Вернувшись на свою командную высотку, Свирепый Серб снял с лежавшего рядом валуна свой рупор и, взвешивая его в руке, молча проследил за тем, как зомби-диверсанты начали осторожно подползать к следующей линии заграждения, на которой колючая проволока проходила между противотанковыми ежами и вся была увешана пустыми консервными банками, издавшими звук при малейшем прикосновении к ограждению. Эту линию обороны держали курсанты подземной унтер-офицерской школы «СС-Франконии».

– Пулеметчики, огонь! – прокричал он. И без того мощный, а теперь еще и усиленный рупором голос Арсена Ведовича звучал над приозерной болотистой долиной так, словно исходился иерихонской трубой. – Огонь, шкуродеры-христопродавцы иллирийские!

Свирепому Сербу уже перевалило за сорок, это был атлетически сложенный офицер, почти двухметрового роста, с смуглым узкоскулым лицом, на котором выразительнее всего выделялись большой, по-орлиному изогнутый нос и пронизывавшие душу большие, обладавшие какой-то завораживающе гипнотической силой темно-вишневые глаза. Причем и глаза, и голос, и весь вид этого атлета источали какую-то неумную взрывную агрессию, которую, казалось, невозможно было ни предугадать, ни, тем более, пригасить.

Происходил Арсен Ведович из древнего сербского аристократического рода, все мужчины которого по мужской и материнской линиям отдавали себя службе в австрийской армии и, несмотря на свое славянское происхождение, всегда оставались верными австрийской монархии. Причем верными настолько, что даже теперь, когда Австрия потеряла не только свою монархию, но и саму государственность, Арсен Ведович все еще оставался австрийским национал-монархистом, и даже не скрывал этого.

Окажись он австрийцем или германцем любой иной этнической группы, например, баварцем или швабом, гестапо, возможно, давно расправилось бы с ним как с сепаратистом и врагом рейха. Но обвинять в австрийском сепаратизме серба – это уже было бы слишком!

В армии Тито бывший лейтенант австрийской армии Арсен Ведович тоже оказался лишь потому, что не мог простить Гитлеру «аншлюсного» лишения Австрии ее государственности. Однако, поняв, что на самом деле это армия не сербская, а... коммунистическая, стремящаяся установить в Югославии такой же режим, какой существует в сталинской России, Арсен, вместе с полуротой своих солдат, перешел на сторону германской армии, чтобы затем возглавить специальный полицейский батальон, который воевал против отрядов хорватских, сербских, словенских и прочих сепаратистов.

Это о его, офицера австрийской армии, переходе на сторону вермахта с восторгом писала в свое время газета командования Сухопутных сил рейха «Миллитервиссеншафтliche рунд-

шау», как о примере для многих других бывших военнослужащих австрийской армии, «лишь по чистому недоразумению оказавшихся в рядах коммунистических банд Тито». Эта же и ряд других газет, несколько раз сообщали о его подвигах в борьбе с партизанами, вчерашними своими соратниками.

– Что вы там кричали мне вслед, лейтенант Гамбора? – даже самый обычный вопрос в устах Свирепого Серба звучал угрожающе.

Это был голос следователя-палача, который самым присутствием своим наводил ужас на своих «подопечных» и каждое слово которого в любой ситуации и при любом исходе оставалось... словом палача.

– Я утверждал, что вести себя, как этот ваш взводный «020», зомби не должны.

– Считаете, что я неверно употребил средство воспитания? – по-волчьи оскалил крепкие желтые зубы Ведович. – Вместо пинков и мордобоя следовало бы пустить в ход пистолет?

– Зомби не должны и не способны ощущать страх и растерянность, им не ведомы чувства жалости и ностальгии; они не могут предаваться унынию и поддаваться панике.

– Что вы заладили: «Зомби не должны, зомби не способны?!». Кто это определил: что они должны, а на что в действительности не способны?

– Жрецы вуду и специалисты специальной лаборатории Аннербе.

– Так вот, пусть они пойдут и повесятся. Нужно привезти их сюда, загнать в окопы рядом с зомби, а затем вместе с ними бросить в рукопашную. Вот тогда и посмотрим, к каким выводам они придут.

– Здесь все намного сложнее, нежели вы себе представляете, капитан Ведович, – угрюмо покачал головой доктор Гамбора. – Сотворяя зомби, жрецы вуду, к которым, собственно, принадлежим теперь и все мы, сотрудники «Лаборатории призраков», вторгаются не только в психику человека, но и в потусторонние сферы, в мистику.

Какое-то время Свирепый Серб хищно нависал на доктором Гамборой, словно коршун над незащитной жертвой. Свое покачивание на носках он прерывал лишь небольшими глотками коньяка из армейской фляги, словно бы заряжая себя при этом спиртным и злобой.

– Меня не интересуют ваши умствования, лейтенант, – наконец прорычал он. – Мало того, мне наплевать на ваши колдовские заветы. Как командир, я хочу знать, кем я командую, как мои солдаты обучены и на что они способны в бою. Все остальное меня не интересует.

– Поэтому я и говорю, что «Зомби-020» – некое исключение. В целом же зомби призваны беспрекословно подчиняться, они неплохо усваивают основы поведения на поле боя и даже приемы диверсионной работы. Сами убедились, что остальные зомби-диверсанты именно так и ведут себя.

– «Так» или не «так» – сможет показать только настоящий бой.

– В сущности, это идеальные, непогрешимые солдаты. Такова конечная цель их зомбирования по программе «зомби-диверсанты».

– Хотите сказать, что «Зомби-020» сам по себе вышел из-под контроля? Что имеем дело с непредусмотренным «самопрозрением»?

– Пока что трудно сказать, что именно здесь проявляется: то ли особенности психики этого бывшего русского офицера, то ли недостатки программы зомбирования.

– Значит, в расход его, шкуродера-хриstopродавца иллирийского!

– Несколько зомби нам и в самом деле пришлось пустить в расход, поскольку не смогли наладить с ними контакт, они попросту обезумели и представляли крайнюю опасность для каждого, кто с ними соприкасается.

Откуда-то из-за рощи, подступавшей к самому озеру, донеслось мощное рычание танковых моторов. Это проходило учение приданного «Регенвурлагерю» танкового батальона, оснащенного не только германскими танками, но и трофейными русскими «КВ-1», «ИС» и «Т-34», экипажи которых состояли из солдат Русской Освободительной Армии Власова.

– Но из этого не следует, что уничтожению подлежит и зомби-офицер «020». С какой стати?! Ни в коем случае, – старательно протирает Гамборе платочком запотевшие стекла своей подозрительной трубы. – Почему способность к «самопрозрению» отдельных зомби обязательно следует списывать на некачественность зомбирования?

– Потому что мне нужны солдаты, способные на беспрекословное жертвенное самоистребление, а не зомбированные трусы и паникеры, коих и так полно сейчас во всех воюющих армиях, кстати появляющихся безо всякого зомбирования и вдали от вашей «Лаборатории призраков».

– И все же, – не позволил увести себя от основной мысли лейтенант Гамбора, – почему бы не воспринимать «Зомби-020» и подобных ему, как индивидуумов, проявляющих психологически закрепощенную способность к профессиональному самообучению и общему самоусовершенствованию? Уберите эту закрепощенность, и перед вами предстанет мыслящая биологическая машина, способная не только на жертвенное самоистребление, но и на осмысленное самоусовершенствование. Ведь если вдуматься в сущность проблемы, то...

– Хватит умничать, лейтенант! – буквально взрычал Арсен Ведович. – Вы лучше сами постарайтесь вовремя «прозреть», чтобы не пришлось затем «самопрозревать» у священных врат крематория!

10

Уже оказавшись за стенами кабинета Мартье, барон без какого-либо лукавства поинтересовался:

– Бойтесь участия в этом рейде в тыл красных, Отшельник? Можете отмалчиваться, но понимаю, что выходить из этого подземелья вплоть до завершения войны вам решительно не хочется.

– У вас уже было достаточно времени, чтобы убедиться, что трусом я никогда и ни перед кем не представлял, – хриловатым басом проговорил Отшельник.

– Раньше, согласен, вы это доказывали. Но ведь меняемся-то мы вместе со временем и обстоятельствами. Чем ближе к концу войны, тем все мы становимся осторожнее, а значит, трусливее: выжить хочется, выжить. Если уж сумел продержаться в течение всей войны, то грех не продержаться еще два-три месяца.

– Согласен, обидно.

– И желания выйти отсюда, чтобы при первой же возможности сдаться русской контрразведке, не возникает? Говорите откровенно, я своих подопечных в гестапо не отдаю. Даже если приходится казнить, то делаю это лично.

– ...Считая сие величайшим благодеянием, – кивнул Отшельник.

– Не пререкайтесь, Гордаш. Отвечайте по существу.

– Своей откровенностью я вас, наверное, озадачу. Больше всего мне хотелось бы завершить создание задуманного нами ранее «Лувра Распятый». Пусть это будет семь, восемь или десять статуй. Я согласен работать хоть круглосуточно, причем постараюсь, чтобы в каких-то выражениях лика своего, в положениях тела, в голгофном фоне, «Распятый» мои зримо отличались друг от друга.

– Ага, значит, все-таки я заразил вас этой идеей – создания «Лувра Распятый»! – сдержанно, и в то же время победно, улыбнулся «величайший психолог войны».

– Добиться этого было не так уж трудно. «Творение ценнее жизни» – вот что лежит в основе инстинкта всякого творца. Истинного творца, а не ремесленника. Только советовал бы вывезти эти скульптуры из подземелья.

– Согласен: после войны могла бы получиться прекрасная экспозиция творений из подземного «Лувра Распятый». А над вашей дальнейшей судьбой я подумаю, Отшельник. Не скрою: вы и сами дороги мне как своеобразный экспонат из коллекции «Людей войны».

– Тогда тем более нет смысла использовать меня в роли диверсанта.

– Я ведь уже сказал, что над вашей судьбой я пока что размышляю. Хотя уверен, что вы все же струсили.

– Не смерти я боюсь, а того, что не успею исполнить свою миссию на этой земле, во время этого своего пришествия в мир.

– Прекрасно сказано, – величественно повел подбородком Штубер. – Красиво, а главное, мудро.

Гауптштурмфюрер пригласил Отшельника в свой кабинет, наполнил рюмки коньяком, однако с тостом не спешил.

– Относительно «пришествия в этот мир» спорить не стану. Как бывший семинарист, вы смыслите в этом куда больше. А вот что касается возвращения в Советский Союз, тут уж позвольте немного просветить вас. Исходя из тех многих сведений, которыми уже обладаю по поводу советской системы... Назад в Страну Советов дороги у вас нет. Вас немедленно арестуют за сотрудничество с оккупантами и, в лучшем случае, приговорят к двадцати пяти годам лагерей.

– Это предупреждение или уже запугивание? – в свою очередь не остался в долгу Отшельник.

Улыбка, которой диверсант попытался облагородить свое суровое лицо, показалась Отшельнику снисходительно загадочной.

– Лучше скажите, почему вы никогда не упоминали о женщине, которая в течение довольно долгого времени являлась покровительницей вашего таланта? Которая, собственно, сформировала из вас истинного мастера.

Отшельник опустошил свою рюмку, не дожидаясь тоста, и барон признал, что каменных дел мастер имел на это право.

– Прекрасно помню, что о Марии Кристич, ставшей прообразом моей «Подольской Девы Марии», вы знаете значительно больше меня, – проговорил Орест, слегка утолив жажду и волнение.

– Речь идет не о Кристич. Тем более что все сказанное мною к медсестре из дота «Беркут» относиться никак не может. Изначально.

– Не о Марии? – вскинул брови мастер. – Тогда о ком же вы только что?..

– ...Совершенно верно, я имел в виду «долгодевшующую дочь Софью», как предпочитал именовать ее незабвенной памяти ректор семинарии, рекомендуя вам свою некогда страстную любовницу.

Эта фраза произвела на Отшельника ошеломляющее впечатление. Он ожидал услышать от Штубера что угодно, хоть смертный приговор, но только не упоминание о Софии Жерницкой. Только не о ней.

– Если же отбросить сексуальный аспект этой истории, – окончательно добивал его барон, – то оказывается, что по существу ректор прав: никто иной в том, советском мире, не способен был сделать для вас столько, сколько сделала София Жерницкая. Похоже, что эта изумительная женщина только для того и создана Господом, чтобы покровительствовать одному из самых талантливых скульпторов современной Европы.

Понадобилось какое-то время, дабы Отшельник хоть немного пришел в себя.

– Откуда вам стало известно о Софии Жерницкой? – с какой-то странной дрожью в голосе спросил он. – Каким образом всплыло это имя, да к тому же здесь, в «Регенвурмлагере»? С чего вдруг?

– Что значит «вдруг»? Совсем не «вдруг». Как только я стал проявлять к вам интерес, мои люди тотчас же связались с отделом СД в Одессе. Обычная рутинная проверка. Там, конечно же, начали рыть землю: существовал ли в природе такой семинарист – Орест Гордаш? Не слыл ли агентом НКВД? Почему оставил семинарию, не получив сана священника? Если честно, я всегда питал отвращение к подобному копанию в прошлом. Но согласитесь, что здесь случай особый.

– Мы не о том говорим. При чем здесь Софья Жерницкая?

– Согласен, она всплыла совершенно случайно. Хотя именно эта личность из вышей былой жизни заинтересовала меня больше всего остального, что мне было представлено.

– Теперь она арестована?

– Была арестована.

– И что с ней?

– Кто-то донес в местную сигуранцу¹⁶, что она – еврейка, скрывает свое происхождение и связана с партизанами. Попадись фрау Жерницкая в руки гестапо, ее тут же расстреляли бы

¹⁶ Сигуранца – румынская контрразведка. До 1944 года Одесса, как и вся территория Украины между реками Днестр и Южный Буг, пребывала под юрисдикцией румынских оккупационных властей и входила в состав так называемой Транснистрии. Принято считать, что румынский оккупационный режим был значительно мягче немецкого, хотя это понятие относительное.

или, в лучшем случае, загнали в один из временных иудо-лагерей, то есть в гетто. Однако в сигуранце с подобными мерами обычно не торопились.

– Тем более что она понравилась одному из румынских офицеров, да к тому же исповедовала православие, что было подтверждено местными священниками.

Теперь уже настала очередь Штубера удивленно уставиться на резных дел мастера.

– Кроме меня, этими сведениями здесь не обладал никто. Откуда они у вас, Отшельник?

– Во-первых, в Жерницкую нельзя не влюбиться, во-вторых, ее слишком хорошо знают в кругу православных священников, к которым румынские власти должны относиться с пониманием, как и следует относиться ко всяким гонимым коммунистами церковникам.

– А что, логично. Придется то ли вводить вас в состав нашей службы безопасности, то ли расстрелять как потенциально опасного для гарнизона «СС-Франконии» русского.

– Выбор, как видим, у вас всегда находится, – поиграл желваками Отшельник. – Так что же на самом деле произошло с Софьей Жерницкой?

– Поначалу ее взяли под наблюдение, – не стал окончательно портить отношения Штубер, – затем все же арестовали. Но тут вмешались люди из СД, то есть мои люди. И очень скоро выяснилось, что какая-то доля еврейской крови в ней несомненно течет. Но куда больше крови польско-германской. Да-да, и германской тоже. Мало того, в Первую мировую ее дед был офицером германской армии. Вы знали об этом?

– Родословной этой женщины никогда не интересовался.

– Понятно, – скабрёзно ухмыльнулся Штубер. – Вам было не до родословных. Ну да не об этом сейчас речь. По моему настоянию фрау Жерницкая немедленно получила удостоверение фольскдойч.

– Тем самым вы купили ей билет на Колыму.

– В Бухарест, – насколько мне известно.

– Жерницкая уже в столице Румынии?! – недоверчиво рассмеялся Отшельник и еще более недоверчиво покачал головой. – Трудно поверить.

– По последним сведениям, она успела эвакуироваться вместе с городской управой, в одном из отделов которой работала. А помог ей в этом некий священник.

– И тоже по вашему настоянию.

– Естественно.

– Значит, давно опекаете ее? – зачастил с вопросами Орест, словно следователь, наконец-то сумевший разговорить упорно молчавшего уголовника.

– С того самого времени, – с вальяжным спокойствием ответил Штубер. – С момента спасения от сигуранцы.

– Так вы, очевидно, встречались с ней? – нахохлился Орест, не в состоянии скрыть своей ревности.

– Выходит, я не зря похвалил вас за умение логически мыслить.

– Когда и где? – теперь уже по-настоящему набычился Отшельник, приподнимаясь из-за стола. – Такого не могло быть.

– А вот с памятью у вас неважно, – наслаждался вкусом французского коньяка гаупт-штурмфюрер. – Я ведь говорил вам, что на какое-то время был командирован в Одессу. Как специалист по борьбе с партизанами. Еще в то время, когда мой отряд базировался в лесах Подолии.

– Партизаны... в Одессе?! – недоверчиво хмыкнул Орест. Сейчас он вел себя, как неисправимый ревнивец, пытавшийся то ли обличить своего соперника во лжи, то ли, наоборот, окончательно убедиться в неверности своей избранницы.

– Если точнее, в одесских катакомбах. Поскольку я имел дело с гарнизонами русских дотов, в штабе сочли, что лучшего специалиста по катакомбным партизанам им не сыскать. Командировка на побережье Черного моря оказалась недолгой, но эффективной.

- Однако Софью Жерницкую вы обнаружили не в катакомбах?
- К счастью, нет. Хотя, согласен, встреча с такой женщиной в катакомбах тоже показалась бы достаточно романтической.

* * *

Их разговор был прерван телефонным звонком. Отшельник заметил, что после первых же услышанных им слов лицо Штубера просияло. А свое неизменное «Хайль Гитлер!», он прокричал, хотя и не поднимаясь, но зато высоко поднимая перед собой рюмку с коньяком.

Положив трубку, он еще с минуту задумчиво смотрел на нее, загадочно как-то улыбаясь.

– Нет, Отшельник, из Берлина мне сообщили не о том, что отыскалась госпожа Жерницкая.

– При известии о Жерницкой вы радовались бы более искренне.

– Вы правы – весть оказалась более прозаичной: мне присвоили чин штурмбанфюрера, то есть майора СС. Правда, весть это пока что неофициальная, так что, пока не увижу приказа, или пока мне официально не объявят его, буду оставаться гауптштурмфюрером, тем более что я уже привык к этому благородному чину, но все же согласитесь, что этот день завершается для нас обоих неплохо.

– Для обоих? – спросил Орест.

– Чем выше мой чин, тем больше шансов, что мне удастся отстоять вас под напором гестапо, которое давно относится к вам с подозрением.

– Тогда поздравляю.

– Вот так-то лучше. А что касается госпожи Жерницкой, то не думаю, что румынские власти решатся выдать её русским, хотя они уже превратились в союзников русских. На всякий случай, я попросил своего человека в Бухаресте выяснить, как сложилась дальнейшая судьба этой фрау и, если понадобится, каким-то образом подстраховать её. А во время последней поездки в Берлин выяснил через задержавшегося у нас сотрудника румынского посольства, что Жерницкая вроде бы давно пересекала границу рейха. Но, поскольку затем румынский король объявил войну рейху, во всеобщей суеде сотруднику было не до какой-то там русской беженки. Тем более – с германскими, а не румынскими, корнями.

Штубер вновь наполнил рюмку мастера, с интересом проследил, как тот мгновенно опустошил ее, вновь наполнил, но предупредил, чтобы с выпивкой тот не торопился.

– Со мной все ясно: я в плену. Но какого дьявола вы столь пристально следите за Жерницкой? Вам-то она зачем понадобилась?

– Вы все еще считаете, что находитесь в плену? – сурово блеснул глазами Штубер. – Все это – неопределенно повел он рукой перед своим лицом, – вы считаете пребыванием в плену? И это вы, человек, на чьих руках кровь нескольких германских солдат и которого давно следовало бы вздернуть на одном из крючьев гестаповской тюрьмы Плетцензее!

– Но ведь не вздернули же. Почему-то...

– Не будем выяснять почему, это отнимет много времени и нервов. И вообще, считайте себя моим гостем.

– Понимаю, я понадобился вам как мастер, скульптор.

– Я ценю вас больше, нежели вы заслуживаете того как резных дел мастер.

– Тогда спрошу по-иному. Каковы ваши планы в отношении меня. И связаны ли эти планы с Софьей Жерницкой?

– А вот на этот вопрос вы, Отшельник, имеете полное право. Мне рассказывали, что до войны ваши картины, как, впрочем, и ваши иконы, пользовались большим успехом.

– Пользовались, – признал Орест.

– И что вдохновителем вашим стала госпожа Жерницкая.

– Тоже верно: она очень помогала мне. И в быту, и в организации заказов. Хотя за само написание иконы можно было сесть лет на десять в тюрьму.

Штубер поднялся и с рюмкой в руке прошелся по кабинету. Только теперь, сопровождая новоявленного штурмбанфюрера взглядом, Орест присмотрелся к обстановке этой каткомбной выработки, служившей эсэсовцу и кабинетом, и жильем. Обшитые досками стены, на одной из которых вместо неизменного портрета фюрера, висела фотография самого Штубера, красовавшегося рядом с Отто Скорцени; походная печка, напоминавшая привычную для славянского oka печку-буржуйку, и бревенчатая перегородка, за которой, очевидно, находились кровать и солдатская тумбочка.

– Прежде чем приступить к созданию скульптуры, мастер обычно делает заготовки, – остановился Штубер спиной к мастеру, как раз под фотографией со Скорцени, на фоне какого-то старинного замка. – Так вот, я тоже создаю своеобразные «заготовки». Даже Господь не способен с точностью сказать, как будет выглядеть послевоенная Германия, и что случится с каждым из нас, кто эту войну все-таки переживет.

– Сие неведомо даже Всевышнему, согласен. – Отшельник никогда не ощущал особого пристрастия к спиртному, но сегодня его явно повело. Пользуясь тем, что Штубер все еще стоял спиной к нему, Орест вновь наполнил рюмку и, досадуя по поводу «мизерности», осушил с жадностью пустытника.

– Но, по одной из тех «заготовок», которые я постепенно формирую, вы, Отшельник, могли бы поселиться у стен замка, виднеющегося на этой фотографии. В моем имении более двухсот гектаров пахотной земли, а также парк, этот замок и несколько других крупных строений. На этой территории я хотел бы создать поселение для таких «странников войны», как вы; как лейтенант, или теперь уже капитан Беркут; как Фризское Чудовище и вечный фельдфебель Зебольд, как штабс-капитан Розданов, полковник Курбатов или спутник его, барон фон Тирбах... Это поселение мы могли бы объявить вненациональным и экстерриториальным, как пристанище для тех, чья послевоенная жизнь вне его пределов по каким-то причинам наладиться не способна. Так вот, одними из первых поселенцев могли бы стать вы, Отшельник, и госпожа Жерницкая.

– Мы... с Жерницкой? – едва слышно переспросил Орест и, пока барон держал артистическую паузу, он сидел с полуоткрытым ртом.

То, что он только услышал, показалось Отшельнику совершенно невероятным. Ему и в голову не могло прийти, что в такое адское время голова заместителя коменданта «Регенвурм-лагеря» может быть занята подобными мыслями.

– Судя по всему, она могла бы стать не только вашей музой, но хозяйкой художественной мастерской, галереи и артистического отеля. Обладая конференц-залом, рестораном и всем прочим, а также соединенный с родовым замком Штуберов, этот отель мог бы стать настоящей Меккой для «странников войны», а также для людей, способных воспроизводить их жизненные пути в произведениях искусства. А почему бы не завлечь сюда ученых, занимающихся изучением психологии войн? Но, повторяю, это всего лишь философские заготовки бытия.

– В том-то и дело, что это всего лишь «философские заготовки бытия»...

11

Зомби-диверсанты преодолели последнюю линию заграждения и стали подбираться к дзотам, намереваясь забросать их учебными деревянными гранатами.

Дабы не позволить им подняться в атаку и растерзать незомбированных пулеметчиков, в роли которых пребывали выпускники разведывательно-диверсионной школы Русской Освободительной армии, Свирепый Серб прокричал в рупор, чтобы никто не смел подниматься в полный рост и не смел врываться в дзоты. Но и после этого не успокоился. Скользя и оступаясь на влажном склоне холма, он побежал к «ничейной» полосе, возникшей между выполненными из-под «колючки» зомби-диверсантами и засевшими в дотах пулеметчиками, чтобы самым присутствием своим охладить пыл и пулеметчиков, и зомби.

– А меня не зомби-диверсанты ваши интересуют! – прокричал вслед Свирепому Сербу оскорбленный в своих лучших чувствах доктор Гамбора.

– Вот и сообщите эту важную новость Отто Скорцени! – на ходу, не оборачиваясь, посоветовал ему Арсен и громогласно заржал, предвкушая видение неминуемой расправы, последующей вслед за этим признанием вконец обнаглевшего креола.

– С какой стати?! – огрызнулся лейтенант. Всякий намек на то, что он подчинен еще кому-то, кроме доктора Мартье, которого почитал в ипостаси непогрешимого магистра вуду, Гамбора воспринимал как оскорбление. – Скорцени выполняет свое задание фюрера, я свое. У нас разные призвания, разные цели и методы. Скорцени глубоко безразлично...

– Не скажите, – прервал доктора-жреца Свирепый Серб, – он будет приятно удивлен! Но только вряд ли, после очередного приезда сюда обер-диверсанта рейха, я соглашусь зачислить вас в свою зомби-роту!

Эту угрозу лейтенант-жрец тоже воспринял как брошенную в лицо перчатку, однако реакция его Свирепого Серба уже не интриговала.

С востока донеслись отзвуки чего-то похожего на мощный громовой раскат. Но Гамбора понимал, что в эту пору года гром обычно «отмалчивается», молнии тоже. Он знал, что на стратегический изгиб Вислы в районе Торунь – Влоцлавек, вырисовывающийся на картах значительно севернее Варшавы, красные вышли уже давно, однако понятия не имел, как далеко на запад углубляются их левобережные плацдармы. Не исключено, что сейчас упражнялась в стрельбе установленная на одном из таких плацдармов дальнобойная артиллерия или же изошлись в прицельном бомбометании дальние бомбардировщики.

– Впрочем, не исключено, что это подает голос германская артиллерия, пытавшаяся противостоять натиску польских партизан, – словно бы вычитал его мысли появившийся за спиной у Гамборы барон фон Штубер.

– Считаете, что первыми нас попытаются атаковать поляки Армии Крайовой?

– Её командованию, как и польскому правительству в изгнании, хотелось бы, чтобы крайовцы оказались в дотах и подземельях «Регенвурмлагеря» раньше подразделений продавшей коммунистам Армии Людовой. Но у стен Варшавы стоят сейчас не поддерживавшие их англичане, а русские. И никуда им от этого факта не уйти.

– И как скоро нам придется держать здесь оборону?

– Скорее всего, весной. Кстати, почему бы вам не обратиться за предсказаниями к своим коллегам из института «Аннербе»?

– Уже хотя бы потому, что основные предсказания ими давно сделаны. Они, предсказания эти, очень неутешительны для рейха.

Штубер с удивлением взглянул на Гамбору. Он понятия не имел о каких-либо предсказаниях относительно судьбы Германии, сделанных «шаманами» из «Аннербе».

– Фюреру они известны?

– Думаю, что не все. Кое-какие «видения» оракулы-аннербисты отфильтровали сами, кое-что благоразумно задержали в своих столах приближенные фюрера. Причем некоторых предсказаний испугались сами сотрудники Аннербе. К тому же длительное время – пока на русских фронтах ситуация складывалась более или менее удачно – фюрер, Геринг и особенно Гиммлер, вообще решительно отказывались верить предсказаниям о грядущем поражении и крахе рейха. О том, что ни с англичанами, ни с американцами договориться не удастся, и что их армии станут сражаться на стороне коммунистов. Впрочем, аннербисты уже и сами себе не верили, а уж необходимость сообщать о своих предвидениях фюреру всегда повергала их в тихий ужас. Но все же нашелся человек, который, как утверждают, еще в сорок первом описал Гитлеру его путь на рейх-Голгофу.

– Речь, конечно же, идет о «ламе в зеленых перчатках»... – сдержанно улыбнулся Штубер.

Свирепому Сербу наконец-то удалось уговорить своих зомби. Он построил их и вместе с владовцами-пулеметчиками и курсантами унтер-офицерской школы повел к стоявшим неподалеку крытым машинам, которые должны были доставить бойцов к центральному входу в «СС-Франконию». Когда последняя машина ушла, Арсен не спеша направился к холму у дота «Шарнхорст», на котором стояли Гамбора и заместитель начальника лагеря.

– Вам приходилось встречаться с этим тибетцем, с «берлинским ламой»? – спросил гаитянский креол у Штубера, пытаясь продолжить разговор.

– К сожалению, нет. Причем оправдывает меня только то, что и сам фюрер почитал за честь добиться хотя бы пятиминутной аудиенции этого таинственного «берлинского ламы».

– Мне тоже не приходилось. Хотя известно, что «берлинский лама» давно заинтересовался учением дагомейских жрецов вуду и сотворением зомби-воинов. Говорят, будто он не воспринял и даже иронично высмеял этот способ усовершенствования человеческой породы, но все же очень детально изучал. Причем о зомби он вроде бы неожиданно заговорил во время встречи со Скорцени. – Гамбора выжидающе взглянул на Штубера, ожидая, что тот подтвердит или опровергнет его предположения.

– Вполне допускаю. Скорцени встречался с ним несколько раз. Не знаю, шла ли речь о зомби, зато знаю, что они довольно долго беседовали по поводу всевозможных пророчеств.

– Скорцени – по поводу пророчеств? – пожал плечами жрец вуду. – По-моему, поступки этого человека ни один пророк предсказать не в состоянии.

– Собственное будущее обер-диверсанта как раз и не интересовало. Не увлекался он и предсказаниями дальнейшей судьбы рейха.

– Понимаю, пытался раскрыть для себя тайну самого проникновения в глубь прошедших и будущих веков.

– И только так. Скорцени прежде всего интересовало происхождение этих пророчеств. Почему они появлялись; почему видения являлись именно тому, а не другому человеку, а главное, какова их истинная природа?

Одетый в короткую меховую куртку, сорокадвухлетний Свирепый Серб казался значительно моложе своих лет. Этому же способствовали его пружинистая спортивная походка и плотная плечистая фигура. Доложив Штуберу как заместителю начальника лагеря о результатах проведенной учебы, он в очередной раз отхлебнул из висевшей на ремешке через плечо необъятной фляги и тут же обратился к доктору Гамборе:

– Кажется, вы прокричали мне вслед, что зомби-воины, зомби-диверсанты никакого интереса у вас уже не вызывают? Извините, дослушать вас не мог, поскольку следовало усмирять этих иллирийских шкуродеров, пока они не успели ворваться в дзоты. Но теперь-то я готов выслушать вас, жрец Вуду.

– Извольте. Меня как ученого действительно интересует не поставленное на конвейер «производство» зомби-воинов или зомби-шахтеров. Куда больше интерес мой направлен на способность зомби к генетическому самовоспроизведению себе подобных. Их способность

формировать цивилизационные ячейки идеально организованного, единомышленного зомби-общества! Готового со временем полностью заменить несовершенное общество нынешних землян.

– Хотите сказать, что следующий этап цивилизационного развития гомо сапиенс грезится вам в создании большой популяции зомби? – сразу же подключился к разговору Штубер.

– Не просто большой, а основной, всепланетной популяции, если уж быть точным в выражениях, – спокойно и уверенно заявил доктор Гамбора. – Наши ученые-технари подталкивают человечество к мысли о создании мыслящих, вездесущих и послушных машин, в частности, роботов. Я же составил для фюрера проект создания целой сети «Лабораторий призраков», благодаря которой, методом массового зомбирования, можно будет формировать новую общность разумных существ, которые позволят заменить и нынешних людей, и мыслящих роботов.

– А не боитесь опоздать с этими своими прожектками, доктор Гамбора? – насмешливо поинтересовался Свирепый Серб. – Война завершается, и, что будет с рейхом – не известно ни одному провидцу. Так что ваши зомби-солдаты могут уже не понадобиться.

– А кто вам сказал, что зомбирование было придумано для создания зомби-солдат? Или зомби-шахтеров, зомби-рабов, зомби-телохранителей? Появление любой из этих профессиональных групп – всего лишь отработка еще одного звена, необходимого для создания универсального зомби. Будущего хозяина этой планеты – физически очень выносливого, с мощной иммунной системой, избавляющей его от массы болезней, лишенного всех тех чувств, которые мешают ему оставаться предельно рациональным в своих поступках.

– А как быть с нациями? – чуть не задохнулся во время очередного бурного «возлиания» коньяку Свирепый Серб. – С сербами моими, сердобольными и многостраждущими, как прикажете быть, жрец вы наш?

– Никаких сербов, никаких этносов и наций, – цинично ухмыльнулся Гамбора. – Планета будет знать только один вид господствующего существа – зомби-человека. При том, что мы работаем и над созданием зомби-животных.

– Несчастная Сербия, – благоговейно направил свой взор к небесам командир учебной зомби-роты. – Она даже не догадывается, что именно ей пытаются уготовить эти иллирийские шкуродеры! – набожно перекрестился солдатской шнапс-флягой.

12

Здесь, в подземельях «Регенвурмлагеря», Орест часто вспоминал тот день, когда барон фон Штубер привез его на территорию этой секретной базы СС. Вспоминал еще и потому, что тогда ему посчастливилось познакомиться с поляком, само существование которого дарило надежду на побег из «СС-Франконии». А произошла эта их встреча таким образом...

...Отшельник задумчиво сидел у окна, в тесной флигельной комнатухе бревенчатого коттеджа, по архитектуре своей мало напоминающего традиционный охотничий домик, и расположенного на романтическом островке посреди мрачного лесного озера Кшива.

В шагах десяти от открывавшегося Оресту крылечного уголка зеленел травянистый берег, а по ту сторону небольшой озерной глади, в миниатюрной, окаймленной соснами и гранитными валунами заводи, притаилась стайка рыбацких челнов, на одном из которых старый (как ему тогда показалось) поляк-перевозчик и доставил его сюда вместе с бароном фон Штубером.

Отшельник представления не имел, зачем его сюда, на остров, доставили, куда девался его «покровитель» и как может сложиться на этом клочке суши его судьба.

Впрочем, сейчас Отшельник над этим и не задумывался. Он соскучился по природе, по свежим впечатлениям, по чему-то такому, что способно было взбадривать и возбуждать жажду творчества. Его руки, его глаза, его томящаяся фантазия и не менее томящаяся душа – все требовало сейчас какого-то образного порыва и великомученического творческого исхода. Но самое сложное заключалось в том, что душа его была взбудоражена воспоминаниями о Софии Жерницкой, об Одессе.

Его, сына «богоизбранного богомаза» Мечислава Гордаша», выросавшего в святости иконописи, вдруг тягостно повлекло к стенам расположенной на берегу Черного моря духовной семинарии. ...В те все еще памятные дни, когда, устав от доносов святых отцов-преподавателей, заявлявших, что ни в познании библейском, ни в мирском послушании семинарист Гордаш не усердствует, ректор-архимандрит призвал его к себе в личные покои.

К тому времени архимандрит уже знал, что при первой же возможности сын богомаза забывает об учении а усердно лепит что-нибудь из податливой прибрежной глины; вырезает из мягких липовых веток каких-то «человечков-анафемчиков», или же, к неопишуемому ужасу донощиков, рисует «неканонические» иконки.

Эти-то иконки как раз и заинтересовали архимандрита более всего остального. В них заключался весь его, и тоже далеко не канонический, интерес к бунтарю-семинаристу.

С помощью своего знакомого-энкаведиста он уже успел выяснить, что «натурой» для его «Святой Девы Марии Подольской» служила фотография медсестры Марии Кристич, землячки Ореста, дед и прадед которой тоже были священниками.

То, что «натура» происходила из семьи священников, каким-то образом облагораживало ее и даже канонизировало сами иконки. Впрочем, к тому времени социальное происхождение «Марии Подольской» архимандрита тоже не интересовало. Ему нужны были иконы: много икон «Святой Девы Марии Подольской», а еще – копии работ некоторых старинных иконописцев. Он вдруг увидел, почувствовал, нутром ощутил, что в семинарии объявился Мастер, настоящий мастер-самородок, из тех, чье появление на свет божий способно сотворять и до святости небесной облагораживать целую иконописную эпоху.

Поэтому первое, что сделал ректор-архимандрит, так это простил Оресту вместе со всеми грехами земными его «семинаристскую лень и всевозможные недостойные занятия» и поселил в роли квартиранта в дом своей давнишней знакомой – «долгодевствующей дщери Софьи», как он называл дочь одного из погибших в коммунистических концлагерях семинаристских преподавателей-священников.

Отшельнику не понадобилось много времени и фантазии, чтобы понять, что ложе с ним «долгодеествовавшая дочь» Софочка делила с той же страстностью, с какой не раз делила с самым архимандритом. Однако это его не огорчило. Тем более что Софья сама же и призналась Оресту в этом, понимая, что рано или поздно церковно-монастырская молва все равно выдаст её.

Отшельник до сих пор помнил, как, ложась с ним впервые в постель, эта «православнокрещенная полуеврейка-полуполька» с какими-то германскими корнями назидательно поучала его:

«Запомните, Орест: – картавя на французский манер, изрекала она, – истинные священные девы – не те, на коих вы молитесь в храмах, а те, на которых вы молитесь в постели. Ибо постель и есть тот священный храм, в лоне которого зарождается все наше греховнопадшее человечество!».

Эти-то слова он как раз и запомнил лучше какого бы то ни было библейского канона. А когда Орест высказал опасение, что, узнав об их постельной связи, архимандрит может приревновать, Софочка не менее назидательно изрекла:

«Что вы, Орест! Архимандрит понимает, что вы – талантливый мастер. А талантливому мастеру всегда нужны деньги и женщины, причем сейчас, все и сразу, чтобы он никогда напрасну не отвлекался на поиски одного и другого! Так могу ли я не стараться во имя такого мастера? Тем более что значительная часть тех больших денег, которые он получает за ваши иконы, так или иначе оседает в этом вот, в моем то есть, доме. Я не слишком откровенна с вами, мой канонически непоколебимый мастер Орест?».

Софа и сама была достойна кисти любого из великих мастеров. Ее красивое личико совершенно естественно вписывалось в те иудейские формы ликов, которыми были отмечены работы раннехристианской иконописной школы. И даже правильный, без иудейской горбинки, римский носик Софьи не лишал её этой иконописной достоверности.

Отшельник так до сих пор и не смог объяснить себе, почему ни разу не «срисовал» Софочкин лик хотя бы на одну из икон. Почему он не сделал этого, хотя бы из чувства признательности Софье? Почему на всех его работах по-прежнему «проявлялась» смуглолицая, темноглазая, с выразительными чувственными губами и высокой шеей подольская красавица Мария Кристич, в которую Орест был давно и безнадежно влюблен?

Однако не повезло только лику Софьи. Что же касается ее «бренных телес», то Отшельник рисовал их с тем же упоением, с каким упивался ими во внебрачном, «архимандритском», как он его называл, ложе. Те несколько картин, которые Софочка продала своим богатым знакомым за большие деньги, тем и отмечены были, что оголенная женщина на них соединяла в себе лик «Святой Девы Марии Подольской» с «бренными телесами» Софьи. Причем никаких вопросов такое соединение у нее не вызывало.

Эта «долгодеествующая» двадцатисемилетняя девица и в самом деле была создана для того, чтобы украсить жизнь какого-то мастера резца или кисти: гибкая, понятливая, ненавязчивая, она была идеально подготовлена к обыденной жизни, причем даже такой морально растерзанной, каковой была жизнь всякого советского художника. И в постели она не просто отдавалась, а священнодействовала, всякий раз ритуально принося свое тело на жертвенник, если уж не искренней любви, то, по крайней мере, вполне искренней страсти...

– Я могу выйти хотя бы на крыльцо? – прерывая сладостные воспоминания, по-немецки спросил Гордаш часового, дремавшего на лавке в конце небольшого коридора.

Прежде чем ответить, диверсант-эсэсовец с нескрываемым любопытством осмотрел этого могучего, почти двухметрового роста парня, которым его шеф, штурмбанфюрер, так дорожил, и с которым уже якобы захотели встретиться и Скорцени и сам рейхсфюрер СС Гиммлер.

Огромная, резко выпяченная, похожая на рыцарскую кирасу грудь; необычные какие-то, воистину неохватной ширины, плечи; огромная, почти квадратная, по-медвежьи посаженная прямо на туловище, голова; непомерно длинные, и столь же непомерно толстые в кисти, руки... Все это делало Отшельника похожим то ли на какого-то реликтового предка человека, то ли на бродячего циркового борца в расцвете сил.

– Барон приказал позволять вам все, что заблагорассудится, – неожиданно ответил часовой, входивший, как понял Гордаш, в диверсионный отряд Штубера.

– Станный приказ, – не поверил ему Орест. Но тотчас же вспомнил о задуманном бароном «Приюте странников и психологов войны».

Хорошо, что барон поделился с ним этими планами; благодаря этому, многое в их отношениях прояснилось.

– Стрелять велено только в том случае, если вы решитесь вплавь уйти с острова, – окончательно просветил его часовой.

Отшельник пошел прямо на часового, так что тот – и сам не из «мелких» – вынужден был прижаться к стене и с улыбкой восхищения пропустить его.

– Не собираюсь я – вплавь, – трубным, архиерейским басом заверил он эсэсовца. – Хотя желание такое возникает.

– Благоразумно, – признал тот. – Господин Штубер прав: природа здесь прекрасная.

И вновь почти с восхищением осмотрел гориллоподобную фигуру Гордаша, облаченную в серые «пехотные» брюки, германский морской китель и легкий авиационный комбинезон, да обутую в итальянские ботинки. С первого взгляда становилось ясно, что одевали этого парня, как могли, – из всего, что соответствовало его размерам, что только удавалось найти.

– Пожить бы здесь, – мечтательно согласился с ним Орест.

– Для художника и скульптора такой островок – сущий рай, – приучался штурмманн¹⁷ воспринимать Отшельника глазами штурмбанфюрера Штубера, который умел ценить настоящих мастеров, независимо от того, в каком искусстве или ремесле они себя проявляли.

– И я – о том же, – неохотно продолжил разговор Отшельник, с наслаждением вдыхая напоенный озерной влагой и сосновым духом воздух.

– Только что поделаешь, война!

Часовой понимающе ухмыльнулся, но приставать к этому гиганту с расспросами и угрозами не стал. Он прекрасно знал, что завербовать этого сильного и мужественного человека не удалось даже «величайшему психологу войны» Штуберу; что пугать смертью этого человека уже бессмысленно, он давно готов к ней, и что фашистов он ненавидит еще яростнее, чем всю свою жизнь ненавидел коммунистов.

* * *

... Нет, никакого особого чувства к Софочке новоявленный иконописец тогда не проявлял. Впрочем, «долгодевствующая» полуполька-полунемка и не требовала какого-то нежного отношения к себе. Но теперь Отшельник почему-то все чаще вспоминал именно ее, причем воспоминания эти были доверчиво-трогательными и сексуально-изысканными. Тогда, во время сожительства с Софьей, Орест и предположить не мог, что когда-нибудь с такой тоской будет вспоминать ее упругую грудь, ее точеные, цвета слоновьей кости, бедра, ее миниатюрные икры «бутылочками» – ножки. Что ему так часто станут сниться вечно стремившиеся к поцелую чувственные губы, и пылкие, неукротимые какие-то объятия «долгодевствующей»...

¹⁷ Штурмманн – ефрейтор в войсках СС.

А как много узнал он от этой начитанной женщины о «бытии в искусстве» великих мастеров кисти и резца, талантливых иконописцев и не менее талантливых литераторов – Микеланджело, Тициана, Врубеля, Родена, Ван Гога, Петрарки...

Как настойчиво вырывала его Софочка из полумонашеской кельи-мастерской, чтобы затащить в Художественный музей, на выставку современных живописцев, или на лекцию по искусству церковной живописи Средневековья. При этом женщина сама навязчиво представляла его каждому, кто в этом городе хоть как-то был связан с искусством, и гордилась своим Отшельником так, словно он и сам являлся величайшим творением искусства.

Лишь теперь, несколько лет спустя, Орест начал по-настоящему понимать, сколь основательно готовила его Софья Жерницкая к способу жизни художника, мастера; к той особой жизни «человека от богемы». И при этом следила, чтобы богемность его проявлялась в таланте и способе творческой жизни, а не в пьяных загулах и прочих «великих пороках... великих».

«Вся ваша погочность, Огест, – мило, на французский манер, картавя, наставляла его Софочка, – должна пгоявляться в постели, и только в постели. Только здесь, в моей постели, вам позволено возноситься до сексуального звегствования и опускаться до сексуальной свято-сти».

«Как по-библейски мудро сказано!», – вновь восхищенно соглашался с ней Орест, с огромным трудом избавляясь от своей «прирожденно неприродной», как называла ее Жерницкая, стеснительности.

– И гади Бога, не стесняйтесь ни меня, ни себя, дегжитесь настолько гаскованнее, насколько вам это пгятно, – страстно шептала ему на ушко, нежно поводя кончиком языка по мочке. Точно так же нежно поводила она и кончиком его «мужского достоинства» по раковине своего собственного ушка, открывая его тем самым, как «восточными эстетами узаконенный эротический орган», о существовании которого Орест ранее даже не догадывался. – А главное, не забывайте подбадгивать себя и меня пгостыми, нагодными выгажениями. В этой богоизбранной постели вы познаете такое блаженство, что никаким небесным раем, – слово «рай» оставалось одним из немногих, которые она почему-то выговаривала без французского грассирования, – вас уже не заманишь.

И сама тут же принималась поражать его «народностью» тех выражений, которые нашептывала ему на ухо во время любовного экстаза.

Так происходило и в ее девичьей постели, и во флигеле, который стал мастерской Отшельника, и в море, куда они бегали купаться при свете луны...

Только теперь, пройдя через дантовы круги военного ада, Орест понял, что эта женщина помогла ему сотворить целый мир, который уже давно предстает в его воспоминаниях в виде полуразвеявшихся грез.

13

Дверь открылась, и появился адъютант фон Риттера. Он сделал вид, будто хочет что-то сообщить бригаденфюреру, но, решив, что тот не обратил внимания на него, тихонько присел у двери.

Да и комендант тоже не пожелал выставлять его из кабинета во второй раз. Он понимал, что Вольраб точно так же мучительно пытается выяснить, что это за существо, именованное Фризским Чудовищем, обитает рядом с ними в этой подземной Валгалле. Откуда оно появилось, а главное, насколько внешняя извращенность этого «человекоподобного» соответствует тому, что у обычных людей должно называться душой?

Впрочем, если бы комендант решился быть абсолютно откровенным с собой, то признался бы, что в присутствии адъютанта общаться с Фридрихом Крайзом, этим... воистину чудовищем, ему как-то спокойнее.

– Так-так, любопытно, – проворчал комендант, словно бы осмелев после появления Удо Вольраба. – Оказывается, это не вы, унтерштурмфюрер, стремитесь наладить связь с высшими посвященными, и они стараются установить связь с вами? Понятно. Но все же впредь выражайтесь яснее и конкретнее.

– В этом-то и заключается ясность: что не я ищу этих самых, – указал он перстом в пространство над собой, – высших посвященных или, как их еще называют, «учителей», а они меня. Причем очень давно. И упорно.

– Значит, ради познания тайны этого вашего общения, фюрер, очевидно, и приезжал уже однажды в «Регенвурмлагерь»? – почти грудью налег на стол комендант. – Причем, насколько мне помнится, визит тоже был неожиданным и тайным.

При этих словах глаза барона азартно загорелись. Только очень близкие к фон Риттеру люди знали, что он буквально помешан на всевозможных таинствах, пророчествах и сказаниях; на легендах и всевозможных небылицах о космических пришельцах, поисках Чаши Грааля, таинственной стране Шамбале, подземных гномах, горных и лесных духах и прочей чертовщине.

Он жил этими мифами и легендами, сотворяя свой собственный мир, в котором очень мало места оставалось для явлений реального бытия.

– Конечно же, ради познания, – поддержал его Крайз. – Только интересовал его не «Регенвурмлагерь», а Черный Каньон. Инспекция лагеря послужила лишь поводом или отвлекающим маневром.

– Черный Каньон – это где-то там, в горном распадке, в провале? – поморщился барон. Он прекрасно знал, где находится этот каньон и что он собой представляет, однако нужно было как-то разговорить Фризское Чудовище, спровоцировать, заставить увлечься рассказом.

– Это особое, сакральное место, – объяснил Фридрих Крайз. – Именно там, в каньоне, должен находиться духовный центр всего того, что мы здесь создаем. Оттуда легче всего осуществлять астральную связь с «учителями».

– Так, может, есть смысл соорудить там часовню, – вмешался в их разговор Удо Вольраб, решив таким образом легализовать свое присутствие. – Или же прямо над каньоном построить кирху.

– С этим торопиться не нужно. И сооружать христианскую часовню или кирху следует не в каньоне, – резко отреагировал Крайз. – Вы должны понимать, что к христианскому учению, к христианскому мировосприятию наша астральная связь с учителями, с высшими посвященными, никакого отношения не имеет. Все придуманные и навязанные нам евреями мифы об иудее, сыне Божьем Христе, в лучшем случае, вызывают у учителей снисходительную ухмылку.

– Я так и предполагал, – проворчал барон. Однако трудно было сказать, одобряет ли он подобные познания изувеченного судьбой фриза или же осуждает их. Одно ясно было адъютанту: в подземельях «Лагеря дождевого червя» завелся «червь» какого-то антихристианского сектантства.

– Замечу, что они вообще не понимают, каким образом иудеи умудрились сотворить полубога из человека такого образа жизни и таких деяний, какими отмечался реальный прообраз иудея Иисуса. А главное, как произошло, что этому полумифическому иудею стали молиться миллионы арийцев.

– Вот это действительно загадка, – явно подыграл фризу гауптштурмфюрер Вольраб.

– Однако вернемся к тайному посещению фюрером «Регенвурмлагеря», – попытался комендант увести Фриза от антихристовых религиозных философствований.

– Кстати, в последнее фюрер тоже стал весьма скептически относиться к Христу и христианству, – не так-то легко было выбить из седла начальника «Лаборатории призраков».

– Только, в отличие от вас, унтерштурмфюрер Крайз, никогда громогласно не афиширует этого, помня, что управлять ему все же приходится христианской страной и командовать христианской армией.

Крайз понял, что слишком увлекся и, чтобы замять ситуацию, помолчал, прокашлялся, вновь помолчал, затем, не решаясь и дальше испытывать терпение коменданта, произнес:

– Возможно, сюда, в катакомбы, фюрер тоже спускался, чтобы собственными глазами увидеть, что да как – не знаю. Но со мной он встречался в каньоне.

– Хотите сказать, что в каньон он прибыл только для того, чтобы встретиться лично с вами?

– Если учесть, что беседовал исключительно со мной и большую часть времени мы провели вдвоем. Даже без присутствия его личного адъютанта, его тени Шауба.

Ссылка на Шауба выглядела убедительной. Барон помнил, насколько близок был к Гитлеру этот его адъютант по особым поручениям.

– Охотно верю, – слишком уж как-то неохотно признал фон Риттер.

В конце концов, лично он похвастаться таким особым вниманием к себе со стороны фюрера не мог. Впрочем, никогда и не стремился к его завладению. Зачем ему особое внимание фюрера? У него, барона фон Риттера, свой мир, своя жизнь, своя судьба. Он не привык, чтобы еще кто-то там теснился в его логове.

– Я никогда не забуду этой беседы с фюрером, и всегда буду признателен за то, что он решился на такую встречу со мной, именно со мной. Невзирая ни на что. Вы понимаете, что я имею в виду.

И фон Риттер вдруг увидел, как изуродованные, вывернутые наизнанку губы-наросты Фризского Чудовища начали расплываться в химерной улыбке, способной потрясти своим видом кого угодно, хоть самого дьявола. Причем улыбка эта являлась не только отблеском его воспоминаний. Крайз был доволен, что отныне комендант вынужден будет считаться не только с покровительством Скорцени, но и с его личным знакомством с фюрером.

Однако главное все же заключалось в том, что в новом коменданте он почувствовал родственную душу – «чернокнижника» и собирателя всевозможных тайн. И это не могло не радовать новоиспеченного начальника «Лаборатории призраков», который прекрасно понимал, что по-настоящему надолго прижиться в «СС-Франконии» способны люди только такого склада характера и восприятия внешнего мира, какими они были у барона фон Риттера и у него самого, Фридриха Крайза.

В недолгую бытность фон Риттера заместителем начальника лагеря Овербек как-то вскользь пожаловался, что навязанное им свыше Фризское Чудовище начинает вести себя так, словно ему самим Господом предписано чувствовать себя властелином «СС-Франконии». Крайз, этот физический и моральный урод – властелин пристанища арийцев! Будущей секрет-

ной подземной столицы арийского, а возможно, и всего прочего мира! Причем с каждым днем эта «провидческая наглость» фриза проявляется все более вызывающе.

– Так истребите его! – легкомысленно посоветовал тогда фон Риттер. – Истребите, черт возьми!

И был поражен, когда, услышав этот совет, комендант испуганно заслонился от него рукой, словно прикрывался от яркой, убийственной вспышки молнии.

– Что вы, барон, что вы?! Не пытайтесь делать этого! Никогда не пытайтесь ни истребить Фризское Чудовище, ни хотя бы враждовать с ним. Крайз – человек, в общем-то неконфликтный, с ним нетрудно ладить, но лишь до тех пор, пока он не почувствует, что вы брезгуете общаться с ним, слишком внимательно рассматриваете его лицо, или же пытаетесь выживать из подземелий «СС-Франконии». Это мы с вами здесь – люди временные, службой загнанные. А он избрал подземелья «дождевого червя» навсегда. Для него это «земля обетованная» и естественная среда обитания.

14

Черчилль отодвинул от себя толстую папку, на которой рукой его личного секретаря Критса было начертано «Свидетельства гибели рейха», и, устало помассажировав двумя пальцами переносицу, вновь откинулся на спинку своего необъятного кресла.

Не так уж и много обнаруживалось в этой папке убедительных свидетельств гибели рейха, как это, несмотря на всю его иезуитскую прозорливость, представлялось Роберту Критсу. Бомбежки германских городов, отступление вермахтовских частей в Польше и Югославии, аресты и, теперь уже несколько запоздалые, казни генералов, ставших участниками «июльского заговора» против фюрера... – все это так. Но для того, чтобы обладать подобными сведениями, премьеру Великобритании не нужны были ни усилия сотен агентов «Сикрет интеллидженс сервис»¹⁸, ни иезуитская изощренность отбора фактов, которой всегда отличался секретный адепт Ордена иезуитов Критс.

Возможно, премьер вообще отшвырнул бы от себя папку, как это не раз позволял себе, когда содержимое очередного «разведывательно-информационного вместилища» его решительно не удовлетворяло, если бы не последний раздел этого самого «вместилища», как именовал свои творения сам Критс, скомпонованный им, судя по всему, с какой-то особой тщательностью. А может, и с умыслом. Этого Уинстон тоже не исключал.

Премьер извлек изо рта дотлевающую сигару, положил ее на бронзовую пепельницу и, слегка повернув голову, взглянул в ту часть Кельи Одинокого Странника (как с легкой руки самого же Черчилля, именovala его кабинет придворная рать), в которой за массивной темно-зеленой портьерой скрывалась дверь, ведущая в «усыпальницу» Роберта Критса.

Черчилль уже не раз подлавливал своего личного секретаря на том, что тот, не предупреждая патрона, со тщательностью опытного минера закладывает в составляемые им тематические папки те или иные информационные фугасы. Чтобы затем понаблюдать: подорвется ли премьер на этих зарядах или же пройдет по ним вслепую.

Так было и на сей раз. Чего стоят хотя бы разделы: «Военно-морские базы рейха в Арктике», «Базы люфтваффе на Крайнем Севере России», «Южноамериканские колонии СС», «Черный рейх Африки», «Уж не колонизует ли рейх Антарктиду?!», «Секретная база «солнечных дисков» на дне Атлантики» – названия которых говорят сами за себя! Причем на сей раз Критс своей цели достиг: патрон явно подорвался на его фугасе, осознавая при этом, что познавательность «вместилища» важна для него не только как для премьера. Тем более что секретарь давно и рискованно забавлялся, называя подобные подборки материалов так, словно подсказывал своему покровителю названия разделов его очередной книги¹⁹.

Но если с этими материалами Уинстон Черчилль сталкивался не впервые, то претензионно названный последний информационный фугас – «Регенвурмлагерь СС» в Польше – белое пятно в работе «Сикрет Интеллидженс Сервис» его основательно озадачил.

Конечно, в это «белое пятно в работе...» личный секретарь премьера умудрился вложить всю свою нелюбовь к отечественной разведке. Но если очистить «вместилище» от иезуитски мелочности и мстительности Критса, неминуемо возникает вопрос: «Нет, в самом деле: что это за «Лагерь дождевого червя», который в своих документах штабисты Гиммлера еще и напыщенно именуют «СС-Франконией»?

¹⁸ «Сикрет интеллидженс сервис» – английская разведка, агенты которой в последний период войны значительно активизировались не только на германском, но и на «союзническом» советском направлении.

¹⁹ Напомню, что Черчилль был автором сборника публицистических очерков «Мысли и приключения», многотомного собрания исторических портретов «Великие современники» и других сочинений, за которые в 1953 году, в возрасте 79-и лет, был удостоен Нобелевской премии по литературе.

В общем-то о подземном лагере на правом берегу Одера Черчилль слышал не впервые, но всякий раз он возникал лишь как часть укрепрайона, да к тому же расположенного в глубоко германском тылу. До него ли было, когда чуть ли не каждый день на Лондон обрушивались атаки люфтваффовских эскадр или батарей ФАУ, а разведка запугивала его миражами германских вторжений.

Как именно возникла идея сотворения «Лагеря дождевого червя» и по каким чертежам-технологиям гитлеровцы создавали его – пусть это занимает умы фортификаторов. Премьера же интересовало, как именно германские стратеги собирались использовать этот подземный лагерь СС на последнем этапе войны: как огромный общий лагерь военнопленных; как вселенскую братскую могилу, которую в дни агонии можно попросту затопить; как подземную крепость, гарнизон которой даст клятву держаться до последнего солдата?

А еще заключительный раздел «вместилища» был составлен таким образом, что Черчилль невольно задавался вопросом: «Действительно ли Третий рейх сходит с мировой арены или же всего-навсего меняет формы своего существования?». Причем меняет их, вгрызаясь щупальцами в самые отдаленные земли, моря и континенты; расплзаясь и разрастаясь таким образом, чтобы, потеряв свою монолитность в виде национал-социалистической германской государственности, переоплотиться во всемирную федерацию германских баз-колоний, владения которой постепенно будут проявляться на всем пространстве от Гренландии и Земли Франца-Иосифа до карстовых пустот Антарктиды и фиордов Огненной Земли, не говоря уже о глубинах Атлантики и Тихого океана.

– И это все, чем вы хотели удивить меня, Критс? – проворчал премьер, чувствуя, что секретарь, как всегда выжидает в своем кресле за портьерой, в закутке между архивным сейфом и дубовой резной колонной.

– Я весь – внимание, сэр, – бесшумно материализовался секретарь.

– Вы слышали вопрос, Критс.

– Вот «вместилище», в котором имеются сведения о «Регенвурмлагере», полученные в основном благодаря польской разведке, – подобно факиру, извлек он откуда-то из складок своего плаща довольно объемистую папку, на которой крупным готическим шрифтом было начертано: «Тайны подземелий “Лагеря дождевого червя СС”».

– Похоже, что вы уже знали, каковым будет мой первый вопрос, – удивился премьер иезуитски медлительной молниеносности, с которой Критс доставил ему папку.

– Простите, сэр, но подобные вопросы я обычно «слышу» задолго до того, как они слетают с ваших губ, – вежливо склонил свою суженную кверху плешивую голову Критс, давно прозванный за свое по-лошадиному удлиненное, аскетического вида лицо и садистскую невозмутимость Инквизитором.

– И что, все эти сведения, – похлопал ладонью по все еще закрытой папке Черчилль, – действительно добыты с помощью польской разведки?

– Вряд ли это имеет существенное значение.

– Имеет, Критс, имеет. Предоставляя мне не так давно папку, касающуюся подготовки легионерами Скорцени операции по похищению Папы Римского Пия XII²⁰, вы тоже утверждали, что значительная часть материала добыта польской разведкой. Но когда по моей просьбе люди генерала О’Коннела проанализировали его, то оказалось, что никакого отношения к собранной там информации поляки не имеют. Мало того, кроны-аналитики из «Секрет интеллидженс сервис» совершенно случайно вышли на след глубоко законспирированной сек-

²⁰ Когда Отто Скорцени, которому была поручена эта операция под кодовым названием «Черный кардинал», уже готов был осуществить захват Папы, фюрер вдруг отказался от этой затеи, очевидно, испугавшись реакции на его преступление всего христианского мира.

ретной службы безопасности монашеского Ордена иезуитов, к которому вы, милейший, имеете, насколько мне известно, самое непосредственное отношение.

– Людям генерала О’Коннела не было нужды докапываться до моих связей с названным вами Орденом, сэр, – покорно склонил голову Критс. – Они очевидны.

– Да, значительная часть материалов явно была сформирована агентами ватиканской службы безопасности «Содалициум пианум», однако и к ней поляки тоже отношения не имели. Основная работа, очевидно, была проделана службой безопасности Ордена иезуитов.

– Состоящей в основном из поляков, – вновь склонил голову Критс.

Он обладал удивительной способностью: любую, даже самую невоспринимаемую им позицию премьера воспринимать с таким подобострастием, словно патрон всего лишь подтверждает... его собственное мнение и позицию.

– Значит, все-таки это была работа разведки Ордена иезуитов?

– В монашеском Ордене иезуитов на любят, когда их боголюбивое братство связывают с военной или какой-либо иной разведкой.

– Тем не менее и к «вместилищу», которое я несколько минут назад просмотрел, и к этому, вот, – ткнул Уинстон Черчилль своим коротким бесформенным пальцем в только что доставленную ему папку, – имеет самое непосредственное отношение именно это боголюбивое братство.

В выражении иисусообразного лица секретаря монашеская покорность каким-то дичайшим образом сочеталась с иезуитским презрением ко всему, что он видел и слышал. Впрочем, это не помешало ему вновь скорбно склонить голову и, словно слова покаянной молитвы, произнести:

– Однажды вы удостоили Британию довольно глубокомысленного высказывания: «Впредь английскую разведку следует формировать исключительно из выпускников иезуитских колледжей и богословских факультетов, тоже иезуитских. Всю английскую разведку и контрразведку, как, впрочем, и сотрудников английских министерств... Иезуитский Орден – вот где кладезь истинных британских разведчиков и колониальных чиновников!». При этом, к сожалению, вы не заметили, как близко подступились к глубинному решению многих проблем.

– И что же вы хотите этим сказать, Критс?

– Важно лишь то, что этим утверждением хотели сказать вы, сэр. – Мое мнение особого значения не имеет.

Попыхивая сигарой, Черчилль какое-то время искоса посматривал на стоявшего чуть сбоку секретаря, как бы решая для себя: не слишком ли иезутиен оказался этот нестигаемый иезуит, и благодарил Господа, что ему, лорду Уинстону Черчиллю, уже не придется представлять перед судом инквизиции, во главе которой будет стоять человек, справедливо носящий прозвище Инквизитор.

– Впрочем, еще все может быть... – наконец, проворчал он, не вынимая изо рта сигары, а главное, совершенно не заметив при этом, что перешел на размышления вслух.

– Единственная мысль, которую не удалось подвергнуть сомнению ни одному мудрецу-богослову и даже ни одному иезуиту, – глубокомысленно поддержал его Критс.

15

Бумаги, содержащиеся в папке «Регенвурмлагеря СС», Черчилль внимательно изучал почти в течение получаса, и секретарь Критс отметил про себя, что, даже при поразительно быстром чтении премьера, процесс этот длился непростительно долго.

Просмотрев последний раздел, в котором речь шла о «Лаборатории призраков» и формировании подразделений зомби, Черчилль поднялся и, основательно прихрамывая, грузно переваливаясь из стороны в сторону, прошелся по кабинету.

Как писатель, он прекрасно понимал, что великие танковые битвы, наступления и бегства целых армий, разрушения несокрушимых укрепрайонов и величественных городов – все это в конечном итоге становится достоянием лишь военных историков. В преданиях же, легендах и, наконец, в великих тайнах останется не то, что погублено и разрушено, а то, что было в годы войны создано. Да, только то, что сотворено было в годы войны с неким тайным замыслом – как «Альпийская крепость», секретные базы в подземельях Антарктиды, «солнечные диски» рейха или строго засекреченный «Лагерь дождевого червя» в Польше. И в этом – величайший из парадоксов войн.

– Как считаете, Критс, – он вновь вернулся к столу, – генерал О’Коннел способен что-либо добавить к тому, что нам уже известно об «СС-Франконии», и в частности, о зомбировании пленных?

– Вряд ли, сэр.

– Но материалы папки свидетельствуют, что источники были серьезными, и то количество сведений, которые здесь имеются...

– В том-то и дело, что в папке собраны все донесения, которые имелись по данному вопросу в его ведомстве. Так что вряд ли генерал способен чем-либо удивить нас. Впрочем, последние из них месячной давности.

– Вот видите, месячной.

– Вряд ли в такой мощной базе, каковой является «Регенвурмлагерь», что-либо может измениться в течение месяца. Ну, еще на один полк увеличат гарнизон, состав которого нам все равно не известен.

– ...И потом, важно знать, к каким выводам приходит сам генерал, – не стал полемизировать с ним Черчилль.

Услышав это, Роберт Критс искривил губы в иезуитской улыбке: «Генерал О’Коннел?.. К каким-то серьезным выводам?.. Стоит ли рассчитывать на глубокую аналитику, когда речь идет о генерале О’Коннеле?».

Для премьера не была тайной та снисходительность, с которой Критс воспринимал заслуги генерала О’Коннела перед английской разведкой, поэтому он понимал, какие чувства одолевают сейчас его личного секретаря, однако разубеждать иезуита не намеревался.

Иное дело, что в сознании Черчилля все сильнее укоренялось подозрение: «А ведь Критс всячески пытается отдалить от меня генерала, хотя прекрасно знает, что именно этот человек является моим доверенным лицом в разведке, именно ему я поручал самые ответственные и секретные операции, как, например, операцию по выяснению судьбы моих довоенных писем дуче Муссолини. По нынешним понятиям, откровенно компрометирующих меня».

– Я знал, что вы решите посоветоваться по этому вопросу с генералом, – молвил тем временем Критс, – о чем предупредил его еще позавчера, чтобы у него хватило времени для подготовки к разговору.

– Надо бы и в самом деле пригласить его.

– Это было сделано полтора часа назад. Генерал прибудет через десять минут. – Черчилль удивленно взглянул на секретаря. – Если только вы не отмените визит, – с традиционной вежливостью склонил свою плешину Критс.

Генерал прибыл с тем незначительным опозданием, которое ему мог простить даже Черчилль, особенно с учетом того, что ездить все еще приходилось по разрушенным улицам, на которых не далее как вчера слышны были мощные взрывы германских ракет «Фау». Этот рослый, с едва заметными сединами в редящихся волосах блондин мог бы слыть образцом английского спокойствия и чопорности, если бы не странная смущенность, а то и растерянность, которые он испытывал всякий раз, как только оказывался наедине с Черчиллем.

Это был даже не страх перед руководителем страны, от которого во многом зависела армейская карьера сэра О'Коннела, а признание того, что, благодаря своему жизненному опыту и проницательности, премьер явно переигрывал его, буквально вскрывая все те заготовки, с которыми начальник европейского отдела разведки по тому или иному поводу предстал перед ним. Подмечая при этом любую ложь или фальшь.

– Эти разрушения, которые доставляют нам «Фау»... – еще с порога начал извиняться О'Коннел, однако, иронично посматривая на шефа европейской разведки, Черчилль решительно прервал его.

– Вы не опоздание свое пытаетесь оправдывать в эти минуты, генерал, а бессилие своей разведки. Из-за бездействия которой мы так толком и не знаем, ни где эти «дьявольские сигары Фау» производят, ни откуда их запускают, а главное, какова их конструкция. Лондонцам приходится благодарить Господа за то, что до их города долетает лишь каждая четвертая ракета²¹, остальные сами отклоняются от курса и падают в море или же их сбивают наши пилоты и зенитчики.

О'Коннел метнул взгляд на личного секретаря, словно подозревал, что это он специально испортил настроение Черчиллю, а затем молчаливо, с какой-то обреченностью в глазах, уставился на премьера.

– К изучению производства «Фау» мы подключаем сейчас польскую агентуру, которая сумела закрепиться в тех местностях, где эти ракеты производят и где испытывают. Уже сейчас некоторые фрагменты этих снарядов ...

– Если речь идет об осколках ракет, то самыми большими коллекционерами их становятся английские школьники, – произнес Черчилль, попыхивая сигарой. – И не пытайтесь убедить меня, генерал, что вы всерьез рассчитываете на успех своей польской агентуры на этом поприще, а не тянете время, молясь на фронтовые и дипломатические победы русских. Не сомневайтесь, генерал, – перехватил он очередной взгляд О'Коннела в сторону Критса, – мой секретарь того же мнения.

Услышав это странное, совершенно не свойственное Черчиллю, заверение, Критс одарил генерала такой ухмылкой, словно только что ему было милостиво дозволено поджечь поленья у подножия инквизиторского костра, на который вот-вот возведут О'Коннела.

– Понимаю, сейчас вас больше интересует судьба «Регенвурмлагеря», сэр.

– Тогда какого дьявола, – буквально выдернул изо рта сигару Черчилль, – мы столько времени ходим вокруг да около, генерал?!

В течение нескольких минут О'Коннел излагал все, что ему было известно о подземном лагере СС. Хотя значительную часть информации сэр Черчилль уже получил из лежавшей на его столе папки, он, из деликатности, ни разу не перебил генерала. Во время всего этого рас-

²¹ На самом деле Лондона достигала каждая третья ракета, которая была признана в Берлине в качестве оружия устрашения. Известно, например, что в целом, согласно германским данным, с середины июня 1944 года в сторону Лондона было выпущено около 23 тысяч ракет «Фау-1» и свыше 10800 более усовершенствованных ракет «Фау-2», однако значительная их часть взрывалась на старте или же, по указанным мною причинам, не достигала территории английской столицы. Целью этой атаки было заставить английское правительство пойти на отдельные переговоры с рейхом.

сказа премьер сидел, откинувшись на спинку, – в облике старого, уставшего человека, задремавшего в кресле с погасшей сигарой во рту у давно охладевшего камина.

– Да вы беллетрист, генерал! – проворчал Черчилль, когда О’Коннел наконец-то исчерпал свое красноречие. И только теперь предложил ему одно из кресел у журнального столика.

Черчилль всегда считал, что докладывать военные должны стоя. Как только позволяешь им садиться, они забывают о его неармейском чине и позволяют себе расслабляться. Не догадываясь при этом, что, наоборот, генералы более уверенно чувствуют себя только тогда, когда стоят перед ним навтыжку, которая привычно порождает у них ясность ума и краткость речи.

– Простите, сэр?..

– Я по-прежнему не в состоянии зрительно уяснить, что собой представляет этот их «Лагерь дождевого червя» и каково его истинное предназначение, однако рассказом о подземной гидроэлектростанции, подземных станциях железной дороги, заводах, лабораториях и обо всем прочем вы меня увлекли.

– Благодарю, сэр.

– Хотя и предвижу, что все эти объекты, плод умозаключений, а не зрительной разведки, и вряд ли кто-либо из ваших агентов способен нанести их на карту-схему «Регенвурмлагеря».

– У нас нет такой схемы, – признал О’Коннел.

– Именно поэтому лично мне благодарить вас пока не за что, генерал. А те объекты, которые вы только что перечислили... Любому школьнику понятно: для того, чтобы этот подземный город СС существовал, необходимы электростанция, госпиталь, хлебопекарня и подземная железная дорога, которая неминуемо должна пролегать под Одером. И еще. Я не стану благодарить вас до тех пор, пока не получу ответ на предельно простой вопрос: «А все-таки, на кой черт германцам понадобился этот лагерь? Да к тому же, на правом берегу Одера?!».

С монашеским благоговением выслушав сэра Черчилля, его секретарь озарил свое лицо той иезуитской улыбкой, в которой уже и в самом деле угадывались отблески костров инквизиции.

– Готовясь к этой войне, фюрер, очевидно, решил...

– Позвольте, – теперь уже довольно резко прервал генерала премьер, – из ваших материалов следует, что возводить этот подземный монстр начали задолго до появления Гитлера на политической арене.

– Вы правы, но именно Гитлер, исходя из концепции покорения России...

– Порой у меня создается впечатление, генерал, что создавалась эта огромная подземная база не для той войны, из которой мы благополучно выходим, а для той, которая еще только предстоит, когда и германцы, и русские, а также, даст Бог, и мы с вами, станем реальными обладателями того сверхмощного оружия, которым пока что лишь запугиваем друг друга.

– Судя по тому, какие усилия прилагал фюрер, чтобы завершить строительство лагеря, свою «сверхмощную» войну он рассчитывал начать еще в разгар нынешней.

16

Черчилль впал в одно из тех молчаний, в которые впадал в самых неожиданных ситуациях. При этом он не предавался размышлениям, нет, это было некое состояние интеллектуальной прострации, во время которого он словно бы выпадал из времени и обстоятельств, из всего того пространственно-временного мира, в котором в принципе должен был существовать.

– Что мы можем предпринять, генерал? – с трудом возвращался в реальный мир премьер.

– Чтобы овладеть «Регенвурмлагерем»? – поморщился О'Коннел, пытаясь уловить ход его мыслей. – Это невозможно. Русские уже на Висле и вскоре лагерь окажется в их руках. Даже если бы отрядам союзной нам Армии Крайовой удалось на какое-то время захватить эту базу, продержаться сколько-нибудь долго они не смогли бы.

– Но это в принципе возможно, чтобы отряды союзной нам партизанской армии хоть на какое-то время захватили эти подземелья?

– Уже вряд ли. Все большая часть поляков склоняется на сторону Армии Людовой, созданной в России. Поскольку ее части наступают вместе с частями Красной Армии.

Черчилль задумчиво кивнул, закурил новую сигару и вопросительно взглянул на портьеру, за которой должен был находиться его личный секретарь.

– Теперь уже не столь важно знать, для чего этот лагерь был создан германцами, сэр, – словно по магическому велению, материализовался из-за этой портьеры Критс. Каждое слово он произносил с таким глубокомыслием, словно читал папское послание Папы Римского. – Куда важнее знать, как его станут использовать русские, которые поляков туда вряд ли допустят. Поэтому уже сейчас нужно готовить человека, который бы со временем внедрился в русский гарнизон этого лагеря или же в группу, которая будет заниматься обследованием «Регенвурмлагеря».

Черчилль и генерал многозначительно переглянулись.

– То есть мы должны готовить агента, способного внедриться в командный состав Армии Людовой, – попытался развить его мысль О'Коннел.

– Среди командиров Армии Людовой наших людей должно быть не меньше, чем находится их сейчас в Армии Крайовой, этот вопрос обсуждению не подлежит, – согласился с ним Критс. – Однако влиять на судьбу этой базы мы сможем только тогда, когда наши люди окажутся на соответствующих постах в будущем правительстве Польши и в руководстве того административного района, на территории которого окажется «Регенвурмлагерь» после войны.

– Ну, это общие предпосылки, которые, конечно же, следует учитывать при формировании... – начал было генерал, однако личный секретарь премьера резко прервал его:

– Сейчас эта база нам не страшна. Пусть ее штурмом занимаются русские. Но после того, как она кажется в их тылу, останется только один способ обезвредить ее – сделать так, чтобы русские и поляки попросту законсервировали ее, на десятилетия перекрыв туда доступ всем – саперам, военным исследователям, специалистам по фортификациям, туристам, вообще всем.

– Любопытно, любопытно, – проворчал премьер.

– То есть военные и гражданские власти России и Польши, – вдохновила Критса скупая похвала патрона, – должны будут сделать все возможное, чтобы их народы на многие десятилетия попросту забыли о существовании этого уникального подземного города войск СС, их «Лагеря дождевого червя». Они должны сделать все возможное, чтобы тайну архитектуры и технического оснащения «Регенвурмлагеря» хранить с такой тщательностью, какая военному командованию Германии, ее абверу, гестапо и СД даже не снилась²².

²² Парадоксально, но факт: службы безопасности и правительства Польши и Советского Союза настолько рьяно охра-

Премьер и генерал улыбнулись, однако улыбки эти оказались какими-то произвольными и слишком уж несмелыми.

– О чем это вы, мистер Критс? – первым погасил улыбку генерал.

– О том, что при определенных условиях НКВД и польская разведка должны будут создать вокруг «Регенвурмлагера» такой ореол таинственности, в сравнении с которым тайны египетских пирамид и шумерской цивилизации покажутся детскими забавами.

Теперь уже генерал демонстративно рассмеялся, однако, услышав этот наигранный смешок, Черчилль лишь смущенно поморщился.

– Не торопитесь, О’Коннел, не торопитесь. Над этим пророчеством следовало бы задуматься. Согласен, Критс, в идеале так оно и должно было бы случиться, – прокряхтел он, откинувшись на спинку кресла и сладострастно выпуская клубы дыма. – Заметьте, Критс, я сказал: «В идеале...».

– Однако практически добиться этого будет невозможно, – возразил О’Коннел.

– Если полагаться на традиционные методы традиционной разведки, – по-монашески склонив голову, заметил личный секретарь премьера.

– И какие же методы вы склонны считать нетрадиционными? И какую конкретно разведку?

– Скорее, нам следует выяснить, о каком типе самой разведки идет речь... – Только теперь Критс вышел из проема, образованного створками портьера, и остановился так, чтобы стоять лицом к своему патрону. По всему чувствовалось: то, что он желает сейчас сказать, чрезвычайно важно. Во всяком случае, для него самого. – Потому что только тогда нам станут понятны и объяснимы ее методы.

– Мы должны будем обратиться к разведке Ватикана?

– К «Содалициум Пианум»?²³ – удивленно уставился генерал на секретаря Черчилля. – С какой стати?!

– Но понятно, что сама «Содалициум Пианум» послужит нам лишь базой для создания тайной влиятельной организации, способной держать под контролем коммунистический режим не только в Польше, но и в Чехословакии, Югославии, Болгарии, Румынии, во главе которых после войны неминуемо окажутся коммунистические режимы, и даже в Союзе.

– Иными словами, вы предлагаете создать еще одну масонскую ложу?

– Скорее, организацию, которая бы маскировалась под масонскую ложу.

Черчилль победно взглянул на генерала: дескать, ну, как тебе моя собственная аналитическая разведка?! Однако О’Коннел никак не отреагировал на этот вызов патрона. Его не то чтобы идея Критса заинтересовала, его увлек сам способ мышления этого затаившегося у самого кресла премьера страны иезуита. Хотелось бы ему знать, кто его подослал сэру Черчиллю, кто помог укорениться в этих служебных апартаментах. Уже не поклонник ли Великого Дуче прелат Бенини?

Генерал верил, что его люди очень быстро вытряхнули бы душу этого иезуита вместе со всей возможной информацией, да только Черчилль этого не позволит. Ни под каким предлогом

няли тайны «Регенвурмлагера», что до сих этот подземный город СССР остается закрытым и за все послевоенные годы не было создано ни одной правительственной или международной комиссии, которая бы занялась изучением этих подземелий. При том, что, исходя из частных свидетельств некоторых советских военнослужащих, во время своих самовольных проникновений в отдельные части этой базы через много лет после войны, они обнаружили, что силовой электрокабель, выходящий из глубин «Регенвурмлагера», оставался под мощным напряжением. Точно таким же закрытым и до сих пор неизученным остается и многоэтажный бункер фюрера «Вервольф», расположенный под Винницей в Украине.

²³ В годы войны во главе «Содалициум Пианум» стоял яростный приверженец дуче Муссолини, фашист по убеждениям, прелат Бенини. Эта специальная церковная сыскальная служба была создана папой Пием X для выяснения настроений среди церковников-модернистов и для их «нейтрализации». На самом же деле руководители этой службы рассматривали ее как полноценную государственную контрразведку, агенты которой использовали слежку, доносы, провокации, а также обмен информацией со многими разведками мира. Успешность папской контрразведки во многом объясняется тем, что костяком ее разбросанной по всему миру агентуры являются иезуиты, подчиненные жесткой дисциплине своего монашеского Ордена.

и ни под какими доводами: тут уж вопрос престижа. К тому же очевидно, что Критс нужен ему не просто как советник, но и как тайный связник между ним и Ватиканом с его «Содалициум Пианум», всем иезуитско-католическим миром.

– Которая бы маскировалась под масонскую? – спросил он. – Считаете, что масоны позволят такой организации развиваться?

– Позволят.

– Ваша уверенность приободряет меня еще сильнее, нежели сэра Черчилля, – а, выдержав многозначительную паузу, генерал добавил: – Но и настораживает тоже сильнее. А что касается вашей организации... Понять, в чем ее суть, я смогу лишь после того, как объясните, в чем же будет заключаться отличие этой, маскирующейся под масонскую, логи – от истинно масонской.

– Объяснить это несложно. Масонские логи действуют от имени и во имя всемирного масонского движения, в интересах тайного, почти исключительно из иудеев состоящего, Правительства Земли, которое, в свою очередь, строго придерживается директив Высших Посвященных масонства, принадлежащих к тайному ордену Братьев Сиона.

– Вы заговорили о Тайном Правительстве Земли, Критс?

– Вы не ослышались, генерал. Иногда его еще называют «Правительством планеты».

– Неужели вы всерьез верите в его существование?

– Это не тот вопрос, который генерал разведки должен задавать мне. Тем более – в присутствии премьер-министра.

О'Коннел слегка замялся. Он прекрасно понимал, что позиции его шатки. Верить в легенды о существовании некоего Правительства Земли намного проще, нежели пытаться аргументированно доказывать, что его не существует. Он и сам множество раз слышал ссылки на то, что и война эта, собственно, тоже была затеяна по решению Правительства Земли. Причем цель была очевидной: на руинах великих европейских империй создать Соединенные Штаты Европы, чтобы затем эта Объединенная Европа превратилась в могучую масонскую империю под эгидой сионистов.

– Признайтесь, генерал: только что вы вспомнили об идее масонства – создать Объединенную Европу.

– Не вижу силы, которая была бы способна объединить страны и народы Европы.

– Потому что силы эти выискиваете на явно устаревших географических картах, размышляя приблизительно так: Старушка Англия ни мощью, ни авторитетом для такого объединения не обладает. А если уж не она, то кто?..

– Считайте, что этот вопрос мною уже задан, – негромко произнес генерал, словно боялся нарушить покой премьера.

– За коммунистической Россией, рассуждаете вы, европейцы не пойдут. Хотя, замечу, именно на нее в свое время масоны и делали ставку, вот почему большинство видных русских революционеров на самом деле были не марксистами, а... масонами, не зря же Сталин обрушился на них с репрессиями. Гитлер с его нацизмом – уже отработанный материал.

– Очевидно, потому и отработанный, что слишком уж он невзлюбил масонов?

– Не замечая при этом, что рядом с ним масонов тоже немало. Или же исполнителей их воли. Так вот, господин генерал, эту силу следует усматривать не в кабинетах европейских диктаторов, а в тайных масонских ложах, для которых все эти диктаторы – всего лишь рядовые исполнители замыслов Высших Посвященных масонства.

– На которых не раз ссылался фюрер?

– Но которых ошибочно принимал за Высших Посвященных Шамбалы, – уточнил Критс.

О'Коннел нервно взглянул на премьера. Тот сидел, откинувшись на спинку кресла, и молча дымил сигарой. Со стороны могло казаться, что он совершенно безучастен, однако

Критс прекрасно понимал, что если бы Черчиллю их спор был неинтересен, он тотчас же прервал бы его.

Одна из особенностей поведения Черчилля в том и заключалась, что как только при нем затевался какой-либо интересовавший его диалог, он сразу же превращался в безмолвного сфинкса, невозмутимо хранившего и свои тайны, и свое мнение, и столь же невозмутимо поглощающего тайны и мнения важных для него людей. И тут уж со временем сэр Черчилль не считался. Он поступал с ним, как опытный ростовщик, знавший, что любые его расходы в конечном итоге неминуемо окупятся.

– Мои агенты несколько раз пытались получить хоть какие-то достоверные, неоспоримые факты существования этого самого Тайного Правительства Земли, – уклончиво ответил генерал, но всякий раз убеждались, что такового в природе не существует.

– Именно поэтому, сэр, существование его настолько очевидно, что не подлежит никакому сомнению.

– Потрудитесь объяснить, мистер Критс, что вы имеете в виду, – жестко потребовал генерал, явно чувствуя себя оскорбленным.

– Просто всякий раз ваших агентов подпускали к этой правящей элите планеты ровно настолько, насколько это было выгодно самой... правящей элите. После чего они получали первое и последнее предупреждение. Однако мы отвлеклись. Так вот, в отличие от масонских, наша организация будет действовать только в интересах Великобритании, возрождая ее в ипостаси могущественнейшей империи. При этом она должна творчески осмысливать и использовать лучшие достижения всех стран, режимов, философий и идеологий.

17

Фотографии... Целая пачка фотографий, которые Софья Жерницкая сумела заказать специально для Отшельника.

Уже после того, как Орест успел написать около четырех десятков своих иконок «Святой Девы Марии Подольской» и несколько светских полотен, Софья откровенно нацелилась на то, чтобы он создал картину, достойную не только экспозиций в художественных музеях Одессы, Москвы и Петербурга, но и «... скромного местечка в Лувре».

Приняв это решение – «о местечке в Лувре», Софья извлекла из потайной полочки секретера заветную пачку снимков, на которых она была снята нагой в самых изысканных позах – в постели, на берегу моря, на лужайке, в саду под розовой вуалью, и решительно разложила перед своим Великим Мастером.

– Всматривайтесь в эти фигуры, Орест. – Несмотря на всю постельную близость с Гордашем, она по-прежнему обращалась к нему на «вы», подчеркивая таким образом, что никакая «постель» не способна стереть в ее восприятии величие таланта этого Мастера. Ничто не способно свести поклонение «долгодевствующей дщери» перед истинным талантом ее творческого избранника – к некоей житейской обыденности.

– Всматриваюсь, – легкомысленно заверил ее Орест, – и что?

– Пока что вы проникаетесь этими видениями только зрительно, а нужно – фантазиями. В них вы найдете не только сексуально-творческое возбуждение, но и свою художественную натуру. Забудьте, что на снимке перед вами Жерницкая, представляйте, что на самом деле вам выпало любоваться какой-нибудь восточной княжной. И воспроизводите ее фигуру на своих полотнах. Фантазируя, безудержно воспроизводите, а, воспроизводя, безудержно фантазируйте.

Одну из картин, которые Орест написал под впечатлением от эротической позы Софьи, скрывающейся под розовой вуалью, сама «натура» так и предложила назвать «Фея под розовой вуалью», и буквально через два дня умудрилась сбыть какому-то нескупому коммерсанту за очень приличную сумму.

А чего стоила фотография Софьи Жерницкой на лежанке из сирени! Потрясающая женщина – на совершенно изумительной «лежанке из сирени», посреди сиреневой рощицы! Сколько раз ему снилась потом и эта женщина, и эта сиреневая рощица с «оголенной натурой», достойной кисти любого из кумиров Монмартра!

Но самое удивительное, что здесь же были фотографии еще нескольких непрофессиональных и добровольных фотонатурщиц. Некоторые из них являлись миру в таких позах, при созерцании которых даже никогда не отличавшемуся особой богомольностью Оресту хотелось набожно креститься, вспоминая о библейском изгнании из рая.

«Я понимаю, – доверительно произнесла Софья, когда он в очередной раз завершил знакомство с этой небольшой, но поражающей воображение коллекцией городских красавиц, – что любая, даже самая совершенная и страстная натура со временем теряет свою позолоту».

«Только не вы, Софа», – попытался уверить ее давно падший семинарский иконописец.

«Ах, пегестань-пегестань! – призывно повела лебяжьей шеей Софья Жерницкая. – Чем женщина преданнее и щедрее, тем скорее она теряет свою сексуальную вуаль. – Это свое «сексуальную вуаль» женщина произнесла с такой поэтической возвышенностью, словно завершала чтение самого сокровенного стиха о девичьей непорочности».

Знакомство со снимками потенциальных натурщиц тоже происходило в своеобразном «ложе из сирени». После устроенного Софьей очередного сеанса секса, они возлежали на матрацах, положенных в садике «поместья» Софьи Жерницкой, между кроной развесистой яблони и зарослями сирени. Это «поместье» представляло собой некий оазис греховной любви

и не менее греховной, по советским понятиям, иконописи. Защищенные высоким покровительством ректора-архимандрита, они чувствовали себя в этом осколке старинной поповской усадьбы вне общества и законов, вне политики и морали.

«Странно же устроен этот мир», – почувствовал себя Орест смущенным за сексуальное вольномыслие человечества.

«Только потому, что таким его устраивают странно устроенные мужчины. Однако вы не поняли, Орест. Я не сетую на вашу изначальную склонность к любовным изменам. Наоборот, принося себя в жертву искусству, решила разнообразить ваши собственные сексуальные впечатления. Взгляните на тела этих женщин. Сколько в них нерастраченной энергии и сколько милой постельной извращенности, так и не спровоцированной мужчинами!

«Для того, чтобы «творчески возбуждаться», мне вполне хватает вашего тела и ваших фотографий», – попытался заверить ее Орест, однако Софья решительно помахала рукой:

«Не в этом дело, Орест. Художник постоянно нуждается в разнообразии: поз, натурщиц, видов, сексуальных фантазий... Причем не только на фото, но и в реальной жизни. А теперь слушайте меня внимательно. Запомните, что по вашей воле любая из этих жриц «храма бесстыдства» запросто может то ли появиться на вашем холсте, скопированной прямо с фотографии, то ли явиться в вашу мастерскую в виде живой натурщицы. Причем ни то, ни другое не лишает вас права познать ее в своей постели в виде царственного вдохновения».

«Уверены, что они действительно придут, а если и придут, то согласятся в таком вот виде представлять передо мной?».

«Не сомневайтесь: придут».

«Даже зная о наших с вами отношениях?»

«Даже зная...»

«Не опасаясь при этом вашей ревности?».

«Но ведь я же сама приведу их, Огест! – появились огоньки какого-то охотничьего азарта в глазах Софьи. – И только из-за того, что я приведу этих девочек, они уже будут счастливы».

«Не затаивая при этом в душе никакой ревности?»

«Ах, Огест, Огест! – вновь на французский манер прокартавила Софья. Гордаш давно заметил, что картавила оно только тогда, когда сама этого хотела. Очевидно, она видела себя в образе одной из тех «дам из буржуазного прошлого», как называли их в местных газетках, которые олицетворяли аристократическое общество Российской империи. – Когда вы, наконец, поймете, что происходит в этом доме на самом деле? Да, вы рослый, физически сильный и по-настоящему красивый, той, особой мужской красотой, мужчина. Но боготворю-то я вас не поэтому. Собственно, боготворю-то я и не вас, как мужчину, а ваш самими небесами ниспосланный талант!».

«Наверное, к этому мне еще надо привыкнуть».

«Вот именно, Орест, – вернула себе не поддающийся французскому слуху славянский звук, – вот именно. Ко всему этому вам еще только следует привыкнуть: к тому, что рядом с вами импозантная, светская львица; что постепенно вы будете становиться все более мастеровитым, известным, а значит, и богатым. Но знаете, чем я отличаюсь от многих тысяч подобных светских львиц?».

«Вы – первая, кого мне, сельскому парню, да к тому же, семинаристу, послал Господь».

«Но важно, что все-таки послал. Причем послал именно вам. Так вот, от всех остальных львиц я отличаюсь тем, что они – столь же эгоистичны, сколь и красивы. И чем красивее, тем эгоистичнее, поскольку уверены, что мир сотворен ради обоготворения их временной, бременной и предельно греховной красоты. Но это не по мне, Огест!»

«Постараюсь поверить» – неосторожно роняет Гордаш, однако Софья благодушно прощает ему эту несдержанность.

«Перед вами, – еще более проникновенно говорит она, – женщина, явившаяся в мир сей со своей особой, четко определенной миссией. Сам Создатель послал меня на землю, чтобы с моей помощью сотворить еще одного талантливейшего иконописца, который, прославляя Христа, во имя же Христова прославит и свое собственное имя. Миссия моя в том и состоит, что я должна помочь Создателю сотворить еще одного гения кисти и резца, превратив его в ипостась земного, но божественного создателя».

Какой же удивительной была речь Софьи! – поражался теперь Гордаш-Отшельник, вспоминая дни, проведенные с «мадам Софи Жерницкой», как называли ее близкие подруги. Какой мир открывался за фантазиями этой женщины! Какие тайны женской обаятельности и плотской любви открывались ему жгучими южными ночами!

«Почему вы так опасаетесь моей ревности, Огест?! – Они лежали на прибрежном холме неподалеку от монастыря, и видели, как под серебристо-голубой вуалью вечера море неспешно, волна за волной, накатывалось на берег. Уставшие от любовных игр, они лежали, подставляя оголенные тела лунному сиянию и постепенно растворяясь в нем, сливаясь с маревом моря и степи. – Единственное, к чему я вас ревную, Огест, так это к вашему собственному таланту – к божественному таланту иконописца. Иных талантов, в том числе и таланта ревности, не признаю».

«В таком случае, вы и в самом деле удивительная женщина, Софья».

«Вычеканьте эти слова на стене своей мастерской, а еще лучше – вытатуируйте на скрижалях своей души».

«Считайте, что уже вытатуировал».

Несмотря на довольно длительную близость, Софи Жерницкая по-прежнему обращалась к Гордашу на «вы», подчеркивая таким образом особый аристократизм их отношений, и он сразу же принял условия этой салонной игры. Тем более что это было нетрудно: в любом случае он не решился бы обращаться к Софье на «ты», слишком уж салонной и вычурной казалась она вчерашнему сельскому парню. Слишком чужой и салонной – даже во время таких вот подлунных эротических экзальтаций, которым они сначала предавались в саду Софиной усадьбы, а сегодня, перенеся свои «интимные познания друг друга» на берег моря, решились сделать их еще более романтическими.

«Отныне для вас должны существовать только две святости: ваша Женщина и ваше Искусство. И всегда помните, что ваша женщина способна оградить вас от презренного мира бездарей, а ваше искусство способно вознести вас на вершину славы и благополучия».

Предаваясь греховной любви и не менее греховным планам, эти двое с одинаковой иронией относились и к божьим заповедям христианской семинарии, и к безбожным устремлениям коммунистической власти.

«Обо мне многое говорят и всякое думают, однако лично меня это не смущает, – эти слова Жерницкая произносит уже не на берегу моря, однако теперь в сознании Отшельника все разговоры с этой женщиной слились в один возвышенно чувственный монолог.. – Как я уже говорила: я давно поняла, что создана Природой с совершенно четким предназначением: стать любимой, «вдохновенной» женщиной Великого Мастера. Оставалось только найти этого самого Мастера. Или, точнее, человека, готового к тому, чтобы из него можно было слепить, создать, сотворить... этого самого Мастера. Достойного такого перевоплощения».

18

...Сквозь листву и гроздя сирени просачивались лучи жаркого солнца, а за двухметровой высоты каменной оградой грохотал морской прибой. Это был ими же сотворенный Эдем, в котором не нашлось бы места ни для кого другого. Во всяком случае, Оресту хотелось в это верить, что никому другому.

«Вот увидите, Огест, – чем больше волновалась, тем страстнее гаркавила Софи Жерницкая, – чтобы помочь вам стать гением, я не остановлюсь ни перед чем: ни перед финансовыми затратами, ни перед запретами морали».

«Трудно поверить, что слышу это из ваших уст, Софи, – Жерницкая любила, чтобы к ней обращались именно так: «Софи». – Ректору семинарии известны ваши взгляды?»

«Ректору давно известно много чего такого, чего не следует знать ни вам, ни кому бы то ни было из людей близких к семинарии. В которой, признайтесь, Огест, вы оказались не потому, что стремились постичь тайны Библии, а потому, что надеялись постичь тайны иконописи, в которой без познания тайн библейских сюжетов достичь чего-либо просто невозможно».

«И когда ректор понял это, он решил свести меня с вами...».

«Когда я впервые увидела у него написанную вами, Огест, икону, то сразу поняла, что имею дело с настоящим талантом, не зря же я с детства увлекалась живописью, не зря сейчас беру уроки искусствоведения у преподавателей художественного училища, сотрудников картинной галереи и Музея западного и восточного искусства. Это я убедила ректора, что ему следует обратить на вас внимание. Это я помогла ему сбыть первые ваши работы, я добилась их оценки в кругу знатоков и даже рецензии в городской газете. Не ректор свел вас со мной, а я свела вас с ректором, чтобы затем уже и самой ненавязчиво возникнуть перед вами. Вот как все происходило на самом деле. Только не спрашивайте меня, зачем возникла».

«На этот вопрос, как мне кажется, вы уже ответили. А только что повели речь о моральных запретах искусства».

«Не искусства, нет, Огест! Речь пойдет о высшей степени моральности женщины, живущей рядом с Мастером, с Творцом. Для женщины она заключается в том, чтобы вести своего мужчину, своего Мастера к вершине таланта, мастерства и славы. Все остальное в этом мире не должно иметь для нее абсолютно никакой ценности. Ее не должны смущать ни людская молва, ни маразм идеологий, ни заповеди церковников».

Почему он не женился на этой женщине? На единственной женщине, которая предлагала именно то, к чему в глубине души он как художник больше всего стремился:

«... А если вы еще и женитесь на мне... О, если вы еще и женитесь на мне, Ог-гест! – безбожно грассировала Софи, как грассировала всегда, когда начинала духовно и физически возбуждаться. – ...Вы станете самым богатым и самым преуспевающим иконописцем, да, пожалуй, и самым богатым светским художником в этой стране».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.